

ΠΟΛΙΣ

Жозеф де Местр

Религия и нравы русских

Религия и нравы русских

Жозеф де Местр

ΠΟΛΙΣ

ΠΟΛΙΣ

Joseph de Maistre

Religion et mœurs des Russes

**Anecdotes recueillies par
le comte Joseph de Maistre
et le P. Grivel, S. J.**

Жозеф де Местр

Религия и нравы русских

**Анекдоты, собранные
графом Жозефом де Местром
и о. Гривелем**

*Перевод с французского
А. П. Шурбелёва*

Санкт-Петербург
«ВЛАДИМИР ДАЛЬ»

2 0 1 0

УДК 82-3
ББК 84-4
Ж 78

Редакционная коллегия серии «ПОЛИΣ»

*В. М. Камнев, Б. В. Марков, А. П. Мельников,
П. Э. Палей, Ю. В. Перов, К. А. Сергеев,
Я. А. Слинин, А. Ф. Филиппов*

ISBN 978-5-93615-103-3

© Издательство «Владимир
Даль», 2010
© А. П. Шурбелев, перевод, 2010
© В. Я. Курбатов, статья, 2010
© П. Палей, оформление, 2010

НЕЧАЯННЫЙ УРОК

Иностранец в России — тема отдельная, часто болезненная для национального сознания. На всякую критику родных устоев сердце ощетиливается и торопится сказать поперек. Между тем, иногда только чужими глазами и можно увидеть себя в настоящем виде. Нация, как и человек, живет в непрерывных отражениях. Живет, как посмеивается популярный сегодня Гришковец, одновременно. Сразу в двух ударениях, изнутри и снаружи, в профиль и анфас, для себя и для людей. Сам-то ты себя так видишь, а ты послушай, что тебе в спину говорят. Нынче это и совсем просто — загляни на себя в Интернет и чего только не увидишь и не узнаешь! Даже и фотографии какие-то невиданные явятся, где ты насилу узнаешь себя, и какие-то дикие, якобы тобой сказанные слова! И кто-то тебя уж и в оборот взял за то, в чем ты ни сном ни духом... Поневоле сам себе иностранцем покажешься.

Да и какие иностранцы в России? Барклай — иностранец? Екатерина Великая? Владимир Иванович Даль? Один навсегда в России иностранец — Дантес. Остальные — наши. А уж французы XVIII — начала XIX в., учившие нас «всему шутя», как добрый л'Аббе — Онегина или месье Бопре Петрушу Гринева, бывшие только бедным домашним переводом Лагарпа для Александра I или нашего героя Жозефа де Местра для всего петербургского света — они и просто русским русские. Во всяком случае, воспитали неплохих детей двенадцатого года, которые вошли в Париж, как домой из отпуска, как в столицу после летней усадьбы.

Влияние де Местра на Чаадаева считалось общепринятым и почти естественным. Но вот на что внимание обращалось реже, так это на интерес к нему русских славянофилов и — послушайте-ка! — самого М. Н. Каткова, чьим именем либералы страшили детей целое столетие. А книжка-то, которую мы открываем, называется «Религия и нравы русских» и рассказывает о родной вере и церкви столько нелицеприятного, что хоть в пасквили заноси. Тут и священники, теряющие по нетрезвости Святые Дары, и четвертные билеты «за грехи» вместо исповеди, и «совершенная отъединенность духовного сословия от общества», и неизменное име-

нование нас «схизматиками», и с печалью подчеркнутое всеобщее тяготение русского двора «совсем покончить с религией».

В этом последнем пункте, правда, возникает комическая тонкость. В книгу включены и наблюдения за русской Церковью земляка и коллеги де Местра графа Босси, сделанные на несколько лет раньше де Местра. Там Босси хвалит Россию за то, что она как-то незаметно и ловко «лишила слугителей господствующего культа всякого значения в государстве», тогда как «самым просвещенным правителям», чтобы освободиться «от ярма духовенства», надо было сначала много сделать «для возрастания некоторой безрелигиозности народов». Думаю, что де Местр не похвалил бы коллегу, потому что был уверен, что у нас-то действительно хотят «покончить с религией», а у них, во Франции, уже спохватились после революционного безумия. И поскольку сам граф, по свидетельству Ф. Ф. Вигеля, был «бешеным католиком», то и для России от расползания демократизма и религиозного равнодушия видел одно лекарство — введение католичества.

Граф много пишет об успехах католичества, об умном опыте иезуитов и масонов, к которым некогда принадлежал сам, и путь которых «для некатолических стран» считал желанным и полезным. Красноречие его

было столь продуктивно, что в католичество перешел даже племянник обер-прокурора Синода А. Н. Голицына молодой князь Александр Федорович (и как не вспомнить тут М. С. Лунина или, особенно, В. С. Печерина с его и в католичестве по-русски подвижнической судьбой?). Так что немудрено, что Александру I скоро пришлось прогнать и иезуитов, а там и самого де Местра.

Вообще картина равнодушия к родной вере при дворе (а ведь де Местр был близок к Александру I, в котором, как он обмолвится в примечании «до 1812 г. нельзя было заметить признаков христианских убеждений»), тяжела и досадна. Но тут важна цель, с которой граф собирает свои неприятные «анекдоты». В том-то и дело, что им движет не злорадство, не равнодушие чужого (какой он чужой, когда советует Государю, когда его сын служит России в кавалергардах?), а скорее желание остеречь Россию от опасностей уже тогда наступавшего «пострелигиозного понимания истории», желание убедить власть в том, что демократизм, которому учил молодого Александра Лагарп, губителен, что спасительны власть и аристократия при могучем фундаменте церкви, а в идеале жесткая теократия.

Отчего и ухватятся скоро за его идеи славянофилы, отчего графа станут сравнивать

с А. С. Хомяковым в ревности о теократическом синкретизме, отчего вскоре К. Н. Леонтьев заговорит о «подмораживании России» и станет таким же «пламенным реакционером» (слово Бердяева о де Местре), как сам граф. И не зря в роковые годы уже падающей России, в уже закипавшей последней революции имена Леонтьева и де Местра объединит в студенческой работе почти мальчик Василий Жураковский. Этой его работой в Киевском университете руководил тогда, в 1916 г., отец Василий Зеньковский. Однако, судя по неуклонному свету пути и мученической кончине ставшего впоследствии священником Василия Жураковского, он и при написании работы, получившей тогда золотую медаль, уже не только оглядывался на учителя. Он и сам слышал уроки великих предшественников и торопился своей работой подхватить, а там и опытом жизни подтвердить великую консервативную идею не безумного слепого бега за ненасытной новизной времени, а ясного стояния в Боге и традиции.

Но только остановить было уже ничего нельзя. «Мы вольные птицы», нам непременно надо «туда, где за тучей белеет гора». То, что для де Местра было смущающими «анекдотами» об опасной недисциплинированности церкви, к сожалению, на тот час было в России правилом. Посмотрите «Пути

русского богословия» о. Георгия Флоровского о предшествующих Босси и де Местру и современных им летам — что там происходило в русской Церкви. Там «анекдоты» будут «покруче». Чего будет стоить один певец Петра Феофан Прокопович, относившийся к русскому духовенству (будучи фактически его главой) с открытым презрением. Да и к иерархии тоже, а это уже шатало последние опоры и без того лишённой патриарха церкви: «Лучшими силами своей души, — цитирует „лирические“ прокоповичевы признания о. Георгий Флоровский, — я ненавижу митры, саккосы, жезлы, свещницы, кадильницы и тому подобные забавы». Душа его тосковала по реформации, и тут он также мало переведывался с совестью и традицией, как Петр.

Да и возможно ли церкви устоять в истине, когда государство летит на Запад и летит со времен Петра неостановимо, склоняясь в лучших умах к масонству, к безрелигиозному аскетизму, мистическому любопытству, а в умах «пониже» — к цветению сект, когда повсюду заводятся меннониты, молокане, скопцы, гернгутеры и хлысты? Когда апокалиптическая мечтательность через день ждет антихриста, а человек не может как следует встать на ноги в «житейском море» под встречными волнами своего

и чужого. Даже у ярчайших светильников XVIII в. митрополита Платона и святителя Тихона Задонского историк церкви видит часы печали и тоски и «безбытную обнаженность души».

Государи с Петра мечтают об объединении церквей (Петр грозит побить противников палкой). Александра воспитывает протоиерей Андрей Самборский, возросший в Лондоне, предпочитающий цивильное платье и бритую бороду и не любящий родных установлений. Во Франции выходит утопический Томас Мор, переведенный Руссо и тотчас почтительно отрецензированный у нас Н. М. Карамзиным. Издатель А. Ф. Лабзин, воспитанный на Сен Мартене, Бёме и Фенелоне, потчует русского читателя расплывчатой всемирностью и «единой религией сердца», от которой действительно недалеко до того, чтобы «вообще покончить с религией».

А там за дело берутся И. В. Лопухин и М. М. Сперанский, да и все русские ложи, стесняющиеся «темноты» русского духовенства и озабоченные его преобразованием «на разумный лад». Является богословие в лентах и звездах, парад цветных умов и холодного мистицизма. Эпоха дышит утопией, ожиданием всеобщего счастья (Александр государственно декларировал «осчастливливание России») и «правами человека», о ко-

торых де Местр пишет чуть не с ненавистью, ибо по своей родине знает, как скоро такая всеобщность делает нацию толпой.

Как бы легко сделалось на душе, если бы это была только история, только навеки ушедшее «тогда», то, что в детстве звалось «давно и неправда». Можно было бы улыбнуться над господином де Местром, как Пушкин над месье л'Аббе или месье Бопре и, перекрестившись, благословить духовную твердость и свет сегодняшней церкви, избавленной от необходимости извлекать уроки из шатающегося прошлого. А только почему-то читается книга с острой горечью вовсе не за прошедшее, а за то, что и сегодняшний любитель «анекдотов» найдет их поле едва ли не более урожайным. Начни хоть с «нотаток» лесковского отца Савелия Туберозова из «Соборян» или с бедного попа, которому «живется весело, вольготно на Руси» («каков попу почет, скажите, православные, кого вы называете породой жеребьячьей, кому вдогон, как мерину, кричите го-го-го?»). А там можно и к Л. Н. Толстому с его до сих пор пугающим православного читателя «Воскресением», и к В. С. Соловьеву с «Тремя разговорами» и вместе с С. Н. Дурылиным спросить, почему из поповского сословия так часто выходили Чернышевские и Добролюбовы, и русская живопись смела писать «Крестные ходы на

Пасху» и «Чаепития в Мытищах». Или прочитать полные горечи сетования святителя Игнатия Брянчанинова или предупреждения Льва Тихомирова о том, что «бюрократизм церкви пугает и предвещает недоброе». А там обернуться в самое последнее время и прочитать «Дневники» отца Александра Шмемана, по которым церковь собирает горячий собор — не напраслина ли, не к смущению ли православного сердца? И вынужден с печалью сказать: нет, не напраслина и не к смущению. Вот хоть это замечание: «Церковные люди не любят верности церкви. Они хотят, чтобы церковь была верна им, тому, чего они от нее хотят. И потому всякий, кто любит церковь в ее сущности, страдает от церкви». Или это: «России нужно православие, но, пожалуйста, не говорите нам о его содержании». Запад, по замечанию Шмемана, уже «отказался от Христа во имя им же, христианством посеянной и неверно понятой свободы». Похоже, нас ждет то же.

А нашего консерватизма только и хватает на то, чтобы как при де Местре сказать, что «одна мысль праздновать Пасху с латинянами может привести к национальному мятежу», да на то, чтобы, как они нас тогда, звать их теперь «схизматиками». А чтобы увидеть твердое сопротивление безумию мира, принять де Местрово и леонтьевское

сопротивление безличной демократии и духовному усреднению человека до совершенной потребительской плоскости — этого не жди. А чтобы увидеть церковь в стоянии против государственно дозволенного растления человека всеми средствами массовой информации, с этим, пожалуйста, в другие двери («читайте и выписывайте журнал «Фома» и будете спасены»).

Мир по-прежнему не собирается идти путем духовного труда, о котором твердил Александру де Местр, которого искали А. С. Хомяков и И. В. Киреевский, о котором криком кричали русские религиозные мыслители, помнящие теократические надежды начала XIX века, о котором напоминали И. А. Ильин и М. А. Новоселов, В. А. Тернавцев и С. Н. Булгаков. История упорно стремится стать «постисторией» и совлечь христианство в «постхристианство». И цивилизация победно приканчивает культуру и теснит церковь. И бог весть, почему вспоминаются слова зоркого Сквороды, ходившего по земле невесть когда, а говорившего, словно вы виделись вчера: «Мы измерили море, землю, воздух и небеса; мы обеспокоили недра земные ради металлов, нашли множество миров, строим непонятные машины. Что ни день, то новые опыты и дивные изобретения. Чего только мы не уме-

ем, чего не можем! Но то горе, что при всем том, чего-то великого недостает». И ведь правда всякий из нас слышит — недостает.

Укоризненная книга французского мыслителя, как это часто бывает с «русскими иностранцами», глядит в корень и не дает сослать себя в примечания.

Валентин Курбатов

РЕЛИГИЯ И НРАВЫ РУССКИХ

*Анекдоты, собранные
графом Жозефом де Местром
и о. Гривелем, упорядоченные
и аннотированные о. Гагариным*

ПРЕДИСЛОВИЕ ФРАНЦУЗСКОГО ИЗДАТЕЛЯ

Публикуя эти анекдоты, мы считаем необходимым напомнить читателю, что они были собраны семьдесят лет назад. Это исторические документы, а не современное отображение действительности, и нам хотелось бы верить, что то, что было возможным между 1805 и 1809 гг., не имеет места сегодня.

В то же время непременно хотелось бы отметить, что семьдесят лет назад граф де Местр располагал весьма достоверными сведениями о секте оригенистов, которые мы тщетно искали бы у какого-нибудь русского писателя, и которые совсем недавно стали достоянием общественности.

К анекдотам, собранным графом де Местром, мы присовокупили анекдоты, собранные о Гривелем, который жил в России в одно время со знаменитым автором «Петербургских вечеров».

Фидель де Гривель, сын бывшего генерала, родился в 1769 г. в Кур-Сен-Морис (департамент Ду) и в 1803 г. отправился

в Россию, чтобы вступить в Общество Иисуса. В 1805 г. после прохождения новициата он был отправлен на берега Волги для миссионерской деятельности среди немцев, обосновавшихся там во время царствования Екатерины II, однако с 1806 г. его призвали в Санкт-Петербург, где он и находился до 1816 г., преподавая риторику в гимназии. В 1818 г. он вернулся во Францию, принимал участие в заседании генеральной конгрегации, избравшей О. Фортиса, затем какое-то время преподавал теологию в Англии, а потом исполнял обязанности наставника послушников в Соединенных Штатах Америки, в городе Джорджтаун, штат Мэриленд. О. Гривель умер 26 июня 1842 г. В Америке он записал некоторые из своих воспоминаний, и именно из его джорджтаунских тетрадей мы и извлекли анекдоты, которые предлагаем читателю.

Другие анекдоты графа де Местра мы напечатали в «*Etudes religieuses, historiques et littéraires*», в октябрьском и ноябрьском номерах за 1868 г., а также в июльском номере за 1869 г. Что касается других отрывков из воспоминаний о. Гривеля, то они находятся в «*Contemporain*» (октябрь 1877 г., январь и июль 1878 г.) и в «*Précis historique*» (апрель и май 1878 г.).

Часть первая
АНЕКДОТЫ, СОБРАННЫЕ
ГРАФОМ ЖОЗЕФОМ
ДЕ МЕСТРОМ

I

Когда-то патриарх всея Руси был значительной фигурой, и с ним, ввиду его сильно-го влияния на народ и совершенной неприкосновенности, должен был считаться сам император. Она была такова, что император, решивший призвать на суд патриарха, совершившего тяжкие ошибки, не нашел никакого средства для того, чтобы судить его; для того чтобы суд был сведущим, ему пришлось созвать всех патриархов-схизматиков.¹ Петр I упразднил это звание и стал абсолютным властителем. Все церковные дела вела организация, именовавшаяся Святейшим синодом.²

Формально в Синоде председательствует архиепископ Санкт-Петербургский, но по существу дела там вершит весьма важный государев чиновник, именующийся прокурором Святейшего синода. Он присутствует на всех заседаниях и, хотя не имеет права ре-

шающего голоса во всем, что там обсуждается, все выслушивает, на все высказывает свое мнение и всему мешает. Какой-либо церковный указ обретает силу только после его подписи, которую предваряет решение о том, что принятое должно быть исполнено. Это главенство совсем не похоже на то, которое отличает английского короля. По существу патриархом является сам император, и я нисколько не удивляюсь тому, что когда-то на Павла I нашла причуда самому совершить богослужение.³

II

Так как *высшей духовной власти* больше не существовало, люди постепенно отвыкли испрашивать особые дозволения на те или иные случаи жизни, ибо такое дозволение есть *благодать*, а право благодатного наделения таким дозволением принадлежит только высшему духовному лицу. Однако поскольку довольно часто такие дозволения весьма желанны и даже необходимы, решили просто освободиться от необходимости испрашивания таких дозволений, что само по себе удобнее и дает такой же результат. Известно, например, что в греческой Церкви соблюдают два или три поста⁴, но никто не обращает на это должного внимания. Кроме того, там, как и у нас, обращают внимание на некоторые степени родства, при наличии которых брак между родственниками возбраняется, однако поскольку порой очень хочется взять в жены двоюродную

сестру, так и поступают, несмотря на запрет, причем такой брак сохраняет свою силу, хотя это и большой грех; говорят, что закон, воспрещающий браки между родственниками (за исключением случаев, оговоренных в Книге Левит), всего лишь церковный, и в то же время о законе, который запрещает разводиться (*quod Deus conjunxit homo non separet**), говорят, что он божественный. Трудно представить что-либо более изобретательное.⁵... (1805).

---

* *Quod Deus conjunxit homo non separet* — Что Бог соединил, человек да не разлучает (*лат.*). (*Прим. пер.*).

III

Именно печально известный Петр III обобрал духовенство. Кое-кто утверждает, что эту мысль ему внушила его жена, подвигшая его осуществить этот замысел, потому что он уже правил, а она хотела пробудить ненависть к своему мужу, дабы потом внезапно этим воспользоваться. Как бы там ни было, но Петр III завладел имуществом духовенства. В соответствующей преамбуле грабительского указа было сказано, что исполнению духовных обязанностей Церкви, *царствие которой не от мира сего*, не должно мешать управление земными благами и т. д. Через тридцать лет то же самое сказали в другой стране, и это всегда будут повторять всюду, где пожелают сделать нечто похожее.

Петр III отнял от Церкви (я имею в виду черное духовенство) миллион душ⁶, или крепостных, а точнее говоря, девятьсот с лиш-

ним тысяч. Во всей империи едва ли наберется две тысячи монахов, которым государство платит не более двадцати пяти рублей.

Что касается белого духовенства, то здесь я не могу назвать точного числа, но знаю, что оно огромно и совершенно не пользуется уважением. Черное духовенство — это монахи, которых тоже немало. И те, и другие почти всегда являются потомками крепостных или священников, и, таким образом, здесь мы поистине имеем дело с коленом Левия, хотя не столь уважаемым, как древнее (1805).⁷

IV

В прошлом году (1805) в одном из лучших домов Санкт-Петербурга русские рассказывали мне о том, как в одном кабаке заспорили между собой два молодых человека. Когда дело дошло до взаимных оскорблений, один обозвал другого «поповичем», однако последний, защищаясь, сказал: *«Это неправда, я сын пахаря»* (т. е. крестьянина).

Монахи, по крайней мере отчасти, более образованны чем «попы» и даже по виду не так презренны. Меня уверяли, что некоторые даже знают французский, читают все подряд и являются большими шалопаями. Трудно сказать, как оно на самом деле, учитывая, что представители обоих духовных званий совершенно отъединены от остального общества.

Могу, по крайней мере, сообщить то, что мне рассказала одна дама из высшего общества: совсем недавно (зимой 1806 г.) согласно обычаю этой страны к ней для совершения тайны исповеди пришел один монах, который, ожидая ее, пустился говорить на французском такие непристойности, что его пришлось выставить за дверь.

Монахи не женятся, белое же духовенство, напротив, всегда вступает в брак, и если кто-нибудь из них становится вдовцом, его силой постригают в монахи. Если же священник двадцати пяти или тридцати лет от роду теряет жену в расцвете сил и обаяния, его тоже обрекают на безбрачие и затвор во благо его души, что также разумно, как и все прочее.

Епископ получает от государства не более десяти тысяч рублей, но имеет значительные преимущества, и я слышал от одного католического архиепископа, что архиепископ Петербурга, имея строго определенное вознаграждение в десять тысяч рублей, получает около шестидесяти тысяч рублей годового дохода. Быть может, это несколько преувеличено, но нет сомнения в том, что некоторые преимущества весьма существенны: например, погребения в Александро-Невской лавре выглядят поистине вызывающе. Расходы на такое погребение

могут доходить до полутора тысяч рублей звонкой монетой и, кроме того, имеется существенная побочная прибыль: карета и лошади, например, которые *должным образом* перевозят покойника к месту захоронения, принадлежат Церкви.

Основное богатство того и другого духовенства составляют добровольные пожертвования. Белое духовенство почти не имеет иных средств к существованию.

В апреле 1806 г. один сенатор сказал мне, что он *устроил хороший приход одному священнику*. «Но каким образом одно *прелатство* (он употребил именно это слово) может быть лучше другого?» — спросил я. «Это зависит от ситуации — ответил он. — Если приход стоит на большой дороге, он приносит больше дохода. Там больше проезжих, больше и подают».

Общее число лиц, принадлежащих духовенству (включая тех, кто вообще связан с этим сословием) превышает сотню тысяч, а монахи не набирают дозволенного им числа (что примечательно). Во всей Российской империи насчитывается двадцать восемь тысяч православных церквей, а число иноверческих церквей мне неизвестно.⁸

Архиепископы, епископы, игумены, белое духовенство, семинарии, — одним словом, все, что вбирает в себя духовенство,

обходится государству в один миллион четыреста тысяч рублей, но в будущем году (1807) эта цифра ввиду ее недостаточности увеличится.

(Это добавление исходит из самого надежного источника.)

V

В настоящее время (февраль 1809 г.) все пожертвования церквам были изъяты и преобразованы в капитал, который разместят в банке для поддержания священников.⁹ В соседней губернии для перестройки деревянной церкви в каменную собрали пожертвования в сумме тридцати тысяч рублей. Губернатор взял их, сказал, что деревянная церковь тоже хороша.

Все оплачиваемое духовенство кончает тем, что с ним поступают таким же образом.

VI

Когда нынешний император (Александр I⁰) получал начатки образования, его отец Павел I однажды решил посмотреть, как он пишет, и нашел, в частности, такие слова: «Иисус по прозванию Христос, еврей, от которого христианская секта получила свое наименование». Здесь чувствовалась рука Ла Гарпа. Отец устроил большую выволочку фельдмаршалу Салтыкову, отвечавшему за воспитание, который, впрочем, остался на своем месте, как и Ла Гарп.

(Из достоверного источника, сентябрь 1809 г.)

VII

Недавно император сказал: «Христиане — люди порядочные, но никуда не годные» (10/22 июня 1801 г.).

VIII

Покойный император Павел сильно сократил церковную службу, убрав некоторые молитвы, а ныне царствующий император снова сократил ее, изъяв некоторые песнопения и обряды. Больше никто не обращает внимания на то, насколько религиозны солдаты. Когда-то во время поста гвардейскому эскадрону давали свободную неделю для исполнения своего духовного долга, но этот старый обычай недавно упразднили. Завтра праздник Пасхи, мой сын весь день занят упражнениями, и никто не хочет узнать, был ли он на богослужении. В прошлый четверг он не стал причащаться, заспешив на занятия (4/16 апреля 1808 г.).¹¹

В праздник Пасхи 1809 г. гарнизон все утро участвовал в параде.

IX

Всю неделю, которая была предоставлена полку¹², его утром и вечером немилосердно гоняли по плацу. В конце недели, поскольку было предписано, что в такой-то день полк должен присутствовать на празднике Пасхи, за ним пришли, чтобы повести его в церковь. Никто как следует не вникал в происходящее. Один завтракал, другой был пьян и т. д. *Солдаты! К причастию шагом марш!* (15/27 марта 1810 г.).

Х

В этом году (1811) весь гарнизон (более тридцати тысяч человек) не мог присутствовать на пасхальном богослужении. Офицеры-католики не пришли на него, как и все прочие.

Когда-то проповеди совершались и при дворе, но потом проповеди были упразднены. Раньше архиереев приглашали отобедать, теперь такого не случается. Одним словом, наблюдается всеобщее тяготение (особенно со стороны двора) к тому, чтобы совсем покончить с религией (1808).

XI

В девятнадцатом номере «Санкт-Петербургских ведомостей» от 5/17 марта 1807 г. читаем: «Второго дня текущего месяца Их Императорские Величества Император и Императрица, а также Их Императорские Высочества Великие Князья Николай Павлович и Михаил Павлович, а также Великие Княгини Екатерина Павловна и Анна Павловна *благоволили* принять причастие в малой церкви Зимнего дворца».

«На праздник Пасхи Император *благоволил* присутствовать на всенощной в своей штаб-квартире в Бартенштейне» (23 апреля 1807 г. № 33).

ХII

Во время своего пребывания в Эрфурте Бонапарт тщательно расспрашивал о том, что такое Синод, и что входит в обязанности князя Александра Голицына, обер-прокурора Синода, сопровождавшего императора. Когда ему рассказали о том, что это такое, он одобрил эту должность, говоря, что *этих господ* (т. е. духовенство) *надо держать в узде*, но поскольку в душе, вероятно, ему казалось забавным, что обер-прокурор Синода сопровождает императора в этом путешествии, он, обращаясь к последнему, со смехом спросил:

— А это, надо думать, Ваш духовник?

— Не надо шутить над делами духовными, — ответил император.

Какое-то время спустя Наполеон сказал князю Голицыну:

— Я совсем не видел императорских капелланов.

— Их просто нет, Ваше Величество, — ответил Голицын.

— Но как же тогда в праздничные дни он присутствует на богослужении? — любопытствовал Бонапарт.

— Он не присутствует, Ваше Величество, — ответил князь.

— Да? Но это плохо. И что же говорят епископы?

— Ваше Величество, они не вмешиваются в государственные дела.

Герцог (Серра Каприола?), которому князь рассказал эту историю, а тот пересказал ее мне, ответил ему:

— Откровенно говоря, мой князь, Ваш ответ был как нельзя плох.

(Декабрь 1808 г.)

ХІІІ

Когда исповедник собирается должным образом исповедовать порядочного человека (это всегда происходит у последнего), они, не чинясь, усаживаются друг перед другом, и священник, не вдаваясь в подробности, спрашивает о соблюдении заповедей. Кающийся ничего не сообщает в деталях. «Не случилось ли Вам как-либо нарушить шестую заповедь?» — спрашивают у него.

«Да, каким-то образом», — отвечает он, и на этом все заканчивается, хотя, быть может, за десять лет, в течение которых он не исповедовался, ему довелось запятнать себя всевозможными мерзостями. Сегодня хозяин одного из лучших домов в этой стране сказал мне, что самая долгая исповедь длится не более четырех минут. Если священник не удосуживается задать даже общие вопросы, тем хуже для него. Тогда ему ничего не говорят. Когда однажды я удивился необы-

чайной легкости такого предприятия, а еще больше — неизменно совершающемуся после этого причащению, князь Г. ответил мне в самый разгар обеда: «Все это — совершенно необходимая формальность. Впрочем, если есть на самом деле что-то слишком серьезное, то им об этом не говорят».

(10/22 апреля 1807 г.)

XIV

Прошлым летом одного батюшку (человека духовного, но сильно подверженного винопитию) позвали к умирающему причастить его перед смертью. Священник был пьян. Он тут же отправился в путь, но по дороге потерял Святые Дары.

Все это произошло во владении и на глазах одной весьма почтенной дамы, которая мне это и поведала. Кроме того, она добавила, что архиерей, в подчинении у которого этот священник находился, не отважился сообщить о случившемся Синоду, полагая, что в таком случае этому священнику наверняка придется расстаться с его саном, а он как никак отец семейства, который не имеет возможности заработать на жизнь ничем иным, кроме нынешнего *ремесла*. Забавное духовенство! (1808).

XV

Недавно крестили сына госпожи Д., жены камергера Д. Священник, который был мертвецки пьян, уронил ребенка в купель, которого, впрочем, быстро выловили, однако он получил нечто вроде насморка, какое-то время не дававшего ему покоя.¹³
(28 мая/9 июня 1809 г.)

XVI

Иногда русские помещики устраивают в своих владениях нечто наподобие театра и заставляют играть в нем своих камердинеров и лакеев, а если недостает какого-нибудь актера, то и приходского священника. *«В настоящее время в одном из моих имений разыгрывают те самые скабрёзности, которые играют здесь на театре. Главный актер — наш священник»* (граф Сергей Румянцев, 31 мая / 12 июня¹⁴). На то удивление, которое я ему выразил, он ответил:

— А что прикажете делать, если нам иногда приходится поколачивать их.

— Но позвольте, какое же Вы имеете право? — спросил я.

— Да, конечно, этого нельзя делать, но это делается.

XVII

Позавчера, 2/14 декабря 1808 г., у одного тайного советника, с которым я состою в довольно тесных отношениях, умер слуга по имени Дмитрий. Он болел чахоткой. Накануне его смерти послали за его священником, дабы тот находился с ним в последние минуты жизни. *«Выходил ли он из дому после того, как я причащал его в последний раз?»* — спросил священник (после последнего причащения прошло как раз сорок пять дней). Ему ответили, что он никуда не выходил. *«Хорошо, — сказал апостольский муж, — ежели он никуда не выходил, то, стало быть, и не согрешал, а потому во мне там нет нужды»*. И с этими словами он оставил слугу умирать, так и не придя к нему.¹⁵

Когда, согласно обычаю, тело этого слуги перед погребением было положено в церкви, принесли тело какой-то девушки лет двадцати, и носильщики, сказав, что не

знают, где рыть могилу, тотчас куда-то исчезли. Осмотрев лицо и руки мертвой, покрытые синяками и другими следами насилия, священники не осмелились предать тело земле, *опасаясь, что девушка могла сама покончить с собой*. Позвали врача, который разрешил ситуацию, сказав, что они *совершенно спокойно могут хоронить труп, потому как осмотр показал, что девушка не покончила с собой, а погибла от побоев, нанесенных ей ее хозяевами*.

Оставалось только одно затруднение — могила. Священники попросили слуг упомянутого тайного советника позволить похоронить девушку в могиле, вырытой для их товарища, на что те без промедления ответили согласием. Такой же благосклонности удостоился и умерший малый ребенок, у которого тоже не было могилы. Когда обо всем этом рассказали прочим слугам, то они, ни единым словом не вспомнив о бедной девушке, возрадовались везению *покойного Дмитрия, которого погребли вместе с ангелом*, что показалось им добрым предзнаменованием.

В тот же день в помещении неподалеку от церкви, в котором укладывают трупы, появились еще пять или шесть тел с явными признаками насильственной смерти, но уже восемь дней как полиция не находит времени осмотреть их.

XVIII

В России существует, наверное, более сорока темных, но весьма распространенных сект. Все они совершенно нелепы, а некоторые просто отвратительны. В одних люди вслед за Оригеном увечат себя, в других совокупаются в полях, как животные.

(Об этом 15/27 января 1809 г. сообщил упомянутый мною сенатор и тайный советник.)

ХІХ

Среди этих сект есть одна очень многочисленная, в которой роль священника исполняют не мужчины, а женщины. Правительство повелело собрать приверженцев этой секты, *бродящих* по полям, и препроводить их в свои деревни. Во владениях княгини А. Голицыной¹⁶ таковых оказалось четыре сотни. Спустя недолгое время она спросила у одного такого «священника»:

— Что ты делала в лесах?

— Молилась о твоих грехах, — ответила она.

— Ну а ты сама разве совсем не грешила?

— Я чиста как святая Дева.

— Прочитай свой символ веры.

Она начала читать так, как это делаем мы, но почти сразу стала что-то бормотать сквозь зубы.

— Ты не достойна слышать все остальное, — сказала она княгине.

Такие «священники», чистые как святая Дева, предаются всяческому беспорядкам. Говорят, что в этой секте причащаются кровью младенца моложе двух лет.

(Рассказано княгиней 16/28 марта 1810 г.)

XX

Слово *раскольник*, которое в точности означает *схизматик*, вбирает в себя множество сект (наверное, около сорока), в большей или меньшей степени отклоняющихся от господствующей веры; некоторые просто отвратительны; их приверженцы увечат себя, отрубают себе пальцы, руки и т. д.; другие представляют собой *законченных* оригенистов. Среди них есть такие, кто отвергает супружество и совокупляется друг с другом наподобие животных. 20 мая (1 июня) 1810 г. граф Алексей Разумовский, человек достойный всяческого доверия, рассказывал мне о том, что в рязанской губернии, где упомянутая секта оригенистов преобладает, ужасную операцию совершает одна старая дева, которая успешно делает ее мужчинам сорока, пятидесяти и даже шестидесяти лет. Граф Разумовский связался с одним французским хирургом, прико-

мандированным к нему. Осмотрев нескольких несчастных, подвергшихся такой операции, он заявил, что сам никогда не посмел бы сделать подобную.¹⁷ Губернатор проявил полную терпимость к этим людям, и начало тому прежде всего положил Потемкин; в результате полного равнодушия правительства ко всем этим религиям, из которых ему не нравится только католическая, оно повелело архиепископу Московскому посвятить священников-раскольников, и услужливый архиерей сделал это без какого-либо сопротивления.¹⁸

XXI

В одной из сект, о которых говорилось на предыдущей странице, причащаются хлебом, смешанным с кровью младенца, зарезанного на Пасху ради совершения этого ужасного обряда. В 1796 г. господин Комнин, генерал, находившийся на службе в России, стал губернатором Елизаветграда, в котором проживали члены секты, соблюдавшей этот обряд. Установив наблюдение за ними, он решил, что сможет задержать этих жестоких фанатиков. Вскоре он приказал окружить подземелье, в котором они собирались, но когда туда спустились, никого там не обнаружили. Нашли только несколько светильников и алтарь, которые скорее напоминали эшафот. Так выразился сам Комнин, рассказавший мне эту историю сегодня, 12 февраля (7 марта) 1811 г. Хлеб, смешанный

с кровью младенца и даже, как полагают, с частью его плоти, разрезали на куски и раздавали братьям под видом нашего освященного хлеба.

XXII

Поскольку все русские в деревнях должны исполнять определенные религиозные обязанности ради того, чтобы засвидетельствовать свою православную веру, случается так, что раскольники всех толков дают деньги православным священникам, чтобы освободиться от этого, а те благоприютствуют расколу ради получения этих денег (в этом в апреле 1811 г. меня заверили в весьма большом обществе, собравшемся у графа Строганова, и сказали, что это дело вполне обычное и не содержащее в себе никаких противоречий).

XXIII

Греческая религия есть не что иное, как *ненависть к Риму*. Эта ненависть чрезвычайно сильна и может захватить целиком. Что касается протестантизма, то отношение к нему далеко не такое же, хотя в догматике он гораздо дальше отстоит от православия. Эта ненависть неизлечима, потому что она не имеет ничего общего с разумом или наукой.

XXIV

Сегодня (5/17 января 1807 г.) я говорил с графом Салтыковым¹⁹ о стремлении Петра I объединить греков. «Я уверен, — сказал он совершенно искренне, — что все, что он делал, он делал только ради того, чтобы понравиться французскому двору, ибо Вы прекрасно понимаете, что он просто не мог всерьез помышлять о чем-либо столь далеком от политики».²⁰

XXV

Говоря о церковном календаре, другой министерский сановник (Татищев, который сегодня министром в Палермо) сказал, что одна только мысль праздновать Пасху с латинянами может привести ко всеобщему мятежу».²¹

XXVI

Впрочем, нет ничего более неверного. Какое-то время спустя я говорил на эту тему с одним из самых лучших умов этой страны, графом Петром Толстым, который, пожав плечами, сказал мне, что *император может все, что захочет*.²²

XXVII

Совсем недавно за обедом у графа Строганова говорили об аббате Голицыне, который в настоящее время совершает миссионерское служение в Америке. Княгиня Голицына, сидевшая за столом, засмеялась при упоминании его имени. Когда сказали, что скоро он должен вернуться в Россию, я воспользовался случаем и спросил у этой госпожи, сохранит ли господин *аббат* право наследования в России и будет ли обладать гражданскими правами?

— Нет, нет, — ответила она, сопровождая свои слова жестом человека, отлучающего от Церкви, — он утратил все свои права.

— Но позвольте, — возразил я, — мы знаем, что потомок дома Головкина, например, является протестантом и тем не менее пользуется всеми гражданскими правами. Граф Федор Головкин — протестант, пото-

му что случай заставил его родиться в протестантской стране. [При этом кто-то добавил, что он даже вполне явно попечительствует протестантской церкви.] Никто его в этом не упрекнул, он был министром, придворным церемониймейстером и в настоящее время чувствует себя преспокойно. Что касается аббата Голицына²³, то ему, в свою очередь, довелось родиться в католической стране, и он исповедует католическую религию. Так в чем же, простите, разница?

Княгиня не проронила ни слова, а я не настаивал.

XXVIII

В детстве я прочитал интересный рассказ о стремлении Петра I воссоединить все Церкви. Старый профессор математики, превосходный человек по имени Дюпюи однажды поведал мне о том, что в Париже он был знаком с доктором из Сорбонны, у которого Петр I попросил почитать его научное исследование. Этот доктор рассказывал профессору, что, взяв его работу на прочтение, Петр спустя несколько дней сказал ему:

— Это просто здорово, Вы правы. Как только я прибуду в Россию, я прикажу взять на вооружение этот проект.

— Но Ваше Высочество, — возразил доктор, — мне кажется, Вы слишком торопитесь. Прежде всего надо узнать, одобряют ли эту идею русские епископы.

Услышав это, Петр пришел в чрезвычайное негодование:

— Если они посмеют мне перечить, — сказал он, — я побью их палкой.²⁴

О ГРАФЕ БОССИ

За несколько лет до появления графа де Местра туринский двор в Петербурге представлял граф Босси, человек, который исповедовал взгляды, прямо противоположные воззрениям красноречивого автора «Петербургских вечеров», со столь горячей решимостью им отстаиваемым, но которому нельзя отказать в большом уме, а также недюжинной проницательности и наблюдательности. Он находился при дворе Екатерины II в последние четыре года ее царствования. Едва взойдя на престол, Павел I повелел ему как можно скорее оставить Россию. Свои соображения по поводу русской Церкви граф Босси изложил в труде под названием «О независимости гражданского закона», который был написан в 1804—1805 гг., но который увидел свет только в 1859 г. (Paris, Guyot et Scribe).

В этом труде автор около пятнадцати страниц посвящает России и живо восхищается Петром I и произведенными им реформами. Всем делам этого могучего реформатора он расточает одни только похвалы, не усматривая в них никакого изъяна. Вот что он пишет о Церкви и духовенстве:

«Суеверие, избавиться от которого было не просто, притом, что не было особого рвения на этот счет, осталось с этими людьми, еще слишком молодыми, чтобы его превзойти. Однако терпимость имела место, впрочем, что я говорю? Не просто терпимость, но самое безграничное религиозное равенство, соблюдавшееся наилучшим образом, то равенство, которым, несмотря на широко распространенные знания, не могло похвалиться ни одно государство Европы. Когда размышляешь о том, сколько времени и труда потратили самые просвещенные правительства для того, чтобы освободиться от ярма духовенства, когда вспоминаешь, что им это удалось только благодаря тому, что они способствовали возрастанию некоторой безрелигиозности народов, не перестаешь удивляться, видя правительство, которому удалось без особого шума и за очень короткое время лишить слугителей господствующего культа всякого значения в государстве, ни в коей мере не лишая при этом сам

культ авторитета и силы, которыми он должен обладать ради наибольшего блага народов и государя. Верно, что незаметно превращенная почти что в один только внешний обряд, религия в России не имеет особой нужды в священниках, непредсказуемая логика которых, а также пылкое красноречие могут соблазнить и увлечь умы. Высшее духовенство, которое очень немногочисленно, составляют набожные и просвещенные епископы, которые являются не только церковными, но и государственными людьми, связанными самыми крепкими и самыми почтенными узами с главой правительства, который в то же время возглавляет и иерархию, где они по значимости идут сразу после него. Подначальные пастыри, будучи отцами семейств и получая содержание от государства, вдвойне ответственны перед ним за свое поведение. Не столько наставляя в нравственности, сколько заправляя совершением обрядов и вынужденные в основном общаться с низами, мало ученые и плохо оплачиваемые, они живут среди народа, и их жизнь обычно слишком мало являет из себя некий назидательный пример; как только они совлекают с себя свои ризы, тот же самый народ, который простирался перед ними и целовал край их рясы у алтаря, видит в них только

соучастников своих самых грубых забав, и если бы он отважился вне стен храма пуститься в велеречивые рассуждения на какие-либо темы, не связанные с его служением, мы вполне могли бы принять его за комедианта, который решил в обществе взять тот героический тон, который соответствует его ролям в театре» (*Bossi. De l'indépendance de la loi civile. Paris, 1859. P. 148—150.*)

Итак, перед нами вполне законченная картина, каждое слово подобно взмаху кисти, и получившийся портрет удивительным образом напоминает тот, который нарисовал граф де Местр, однако самая резкая критика последнего не так язвительна, как похвалы, которые раздает граф Босси. Он коснулся всех: императора, который возглавляет иерархию (отметим, что в ту пору правила женщина, Екатерина II), и епископов, подчиненных этому главе, коснулся правительства, лишившего духовенство всякого значения, религии, которая почти что превратилась в один внешний обряд. Что касается священников, то, как он полагает, государство налагает на них двойные узы: во первых, они — отцы своих семейств, во-вторых, получают жалованье от государства; они не столько наставляют в нравственности, сколько заправляют обря-

дами. Нет, граф де Местр все-таки далеко не так жесток, как граф Босси, но свидетельство одного подтверждает свидетельство другого, и мне показалось небесполезным сопоставить их.

XXIX

9/21 сентября 1804 г. я обедал за городом у господина Лаваля. Прибыв с некоторым опозданием, камергер Его Императорского Величества, тайный советник и служащий министерства иностранных дел господин Татищев сказал мне, что сильно устал этим утром, потому что исполнял роль судьи. В ответ на вопрос, который я ему задал, он ответил мне, что упомянутое министерство превратилось в суд, занятый рассмотрением дел, касающихся кочевых народов, зависящих от России.

— Сегодня утром, — сказал он, — я присудил пять тысяч семей одному из этих князей в ущерб другому.

— По апелляции, конечно же?

— Да, мсье.

— И без нее?

— Да, мсье.

— И с кем Вы выносили судебное решение?

— Должен был быть князь Чарторыйский [товарищ министра, выполнявший обязанности имперского канцлера или министра иностранных дел], но он не пришел, и мне пришлось судить совсем одному.

XXX

В настоящее время (декабрь 1805 г.) русским послом в Вене является граф Разумовский, который стал австрийцем; другой посол, граф Воронцов, находящийся в Лондоне, уже англичанин, а третий, который в Берлине, — пруссак. Последний женился в Берлине. Граф Разумовский поступил таким же образом и взял в жены австрийку. У него огромные владения в Австрии и он, в конце концов, решил на свои деньги построить мост через Дунай. Нет сомнения в том, что венский двор покрыл свои долги. Что касается графа Воронцова, то он обладает значительными суммами в английских государственных фондах. Власть, которая все это терпит, с позором выгнала бы на улицу любого служащего министерства иностранных дел, который осмелился бы нанести мне визит, а во время предыдущего правления нашелся такой бедняга, которого, даже уже не

состоявшего на службе, *били кнутом* и сослали в Сибирь, чтобы преподать, Бог знает, какой урок детям прусского посланника. Достаточно яркий пример человеческих противоречий. (*Mémoires politiques*. P. 201.)²⁵

XXXI

Господин Майор, француз, о котором все знают, что он состоял в клубах революционного правительства, служит секретарем у Муравьева, являющегося членом государственного совета Его Императорского Величества.

Господин Дювине, в прошлом адъютант Бонапарта, воспитывает сына графа Строганова. Госпожа графиня, женщина высоких принципов, не видит в этом ничего странного. Она даже считает, что верность господина Дювине своим идеалам делает ему честь.

XXXII

Один молодой русский поэт недавно сделал стихотворный перевод с французского, но так как он довольно посредственно знал французский язык, то фразу *par La Fontaine* (Лафонтемом, через Лафонтена) перевел как *près de la fontaine* (около фонтана). Этот прекрасный труд он посвятил императору и в ответ скоро получил коробку, полную червонцев. Счастливый дебютант принес свою поэму князю Белосельскому, который тоже кое-что смыслил в литературе и потому был, так сказать, собратом (хотя и чуть более богатым, чем его товарищ). Князь, достаточно позабавившись упомянутыми *par* и *près*, отыскал Нелединского, служителя литературных щедрот, и спросил его, читал ли император это сочинение.

— Да что Вы! С какой стати императору такое читать?

— А Вы читали?

— У меня много других дел, но вещица была недурна в смысле красивого почерка. Я знаю, что император старается награждать литераторов, потому я хорошо отозвался об этой вещи, и он сказал мне: «Дайте ему коробку со ста червонцами». Я так и сделал.

(Рассказано самим князем Белосельским у графа Строганова, сегодня, 18/30 января 1806 г.)

XXXIII

12/24 марта 1806 г. во время обеда, который давал обер-егермейстер Дмитрий Нарышкин, я сидел рядом с М., высокопоставленным чиновником банка. Заговорили о государственных векселях. Кто-то сказал:

— Мне очень любопытно, как много вы их каждый месяц сжигаете?

— Пожалуй, следовало бы задать вопрос поважнее, а именно — как много мы их производим?

За четыре года это первая бестактность, вырвавшаяся у русского в моем присутствии.

XXXIV

Недавно молодая русская женщина, жена пьемонтского офицера убежденно и грустно (что делало ее слова глубоко комичными) рассказывала мне: «Увы, господин граф, что Вы теперь хотите? Как можно добиться справедливости? Во времена Павла, по крайней мере, были фавориты, можно было поговорить с ними, намекнуть, чего ты хочешь, существовали даже определенные расценки. Например, все знали, что за шесть тысяч рублей можно было получить определенную должность. А теперь с кем говорить?»

Не припомню, чтобы я слышал что-либо столь забавное и серьезное в одно и то же время (3/15 декабря 1806 г.).

XXXV

ИСТОРИЯ УКАЗА ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА ОТ 1806 Г.

Некий обер-офицер, состоявший в подчинении у министра внутренних дел графа Кочубея, решает направить прямо Его Императорскому Величеству докладную записку о положении дел в Европе, а также о тех мерах, которые необходимо предпринять во избежание всеобщего мятежа.²⁶ Все сводилось к необходимости формирования широкого ополчения. Император показывает графу Кочубею эту записку при первой же встрече с ним. Граф быстро просматривает эту вещь и говорит, что только глупец мог такое придумать. Император зовет своего доверенного секретаря Новосильцева и показывает эту записку ему, говоря о том, какое впечатление она произвела на министра внутренних дел. Новосильцев бежит к Кочубею.

— Что Вы наделали?

— Я погиб.

— Нет, позвольте действовать мне.

Новосильцев берет эту записку, переделывает ее на свой лад, сводя все к России, рисует план формирования того необычайного ополчения, которое мы видим, и несет ее императору. Император показывает ее Кочубею.

— На сей раз, — говорит последний, — все выглядит как нельзя лучше, картина выглядит совершенно иначе.

Государь хвалит министра за его беспристрастность и пошло-поехало. Мы видим то, что видим.

(Рассказал граф Федор Головкин, остряк, бедолага и плут, 9/21 декабря 1806 г.)

XXXVI

Из своих владений в Ливонии князь Платон Зубов пишет императору о том, что закупка зерна для войска, готовящегося начать кампанию, идет по очень высокой цене: платят по двадцать два рубля за меру, а он, мол, готов поставлять его по двадцать рублей. Император рассказывает об этом генерал-интенданту князю Волконскому, который пишет князю Зубову и создает для него множество проблем в том, что касается перевода, денег и т. д., вероятно, потому, что имеет на этот счет свои взгляды, не совпадающие со взглядами князя Зубова. От последнего ни слуху ни духу. Через несколько дней князь Волконский встречает брата Зубова и говорит ему:

— Я писал Вашему брату, но не знаю, почему он мне не отвечает.

— Мне думается, — отвечает собеседник, — что ответа Вы не получите?

— Почему же?

— Потому что мой брат писал императору. Принимать или отвергать это предложение — его дело, и я сильно сомневаюсь, что брат захочет вступать в переписку по этому вопросу с кем-либо другим.

Тем временем князь Платон Зубов, стремясь достичь договоренности на поставки зерна и помышляя хорошо поживиться на этом деле, посылает в Петербург трех польских евреев, наделенных огромными поручительствами. Договоренность была достигнута, но потом два еврея переводят свои бумаги на еврейский и затевают какую-то ссору, не поставив в известность третьего. Он жалуется генерал-губернатору Вязмитинову, показывая ему бумагу, которую все трое получили от господина Степанова, служащего в канцелярии графа Льевена. В бумаге содержались подробности относительно того, где будет храниться зерно. Будучи военным посланником только на словах, в отличие от графа Льевена, который был таковым на деле, Вязмитинов не терпел Льевена и потому поспешил доложить о неверности человека, который служил в канцелярии его соперника. Степанова арестовали, затем начали разыскивать двух евреев, которых арестовали в Риге и препроводили в Петербург. Степанова приговорили

к смертной казни, но император решил смягчить наказание, заменив его разжалованием и поселением. 23 ноября (5 декабря) мы видели, как этот несчастный шел по городу в сопровождении двух военных нарядов к месту исполнения приговора, где палач сломал шпагу над его головой. Все говорили: «Завтра исполнят приговор над евреями, эти мерзавцы, конечно же, не заслуживают никакого снисхождения». Однако об этом «завтра» говорили постоянно, и тем не менее этот день так и не наступил. О евреях просто позабыли, как вообще забывают обо всем, но, продолжая расспрашивать об этом у всех и каждого, я узнал все, что только что изложил. Мне также сказали, что бумага, передача которой была представлена как большое преступление, вообще ничего собой не представляла. Степанов, нисколько не смущаясь, сказал, что он ее передал и сделал это по приказу.

Стараясь не поднимать шума, евреев отпустили, потому что не знали, что с ними делать. Когда-нибудь Степанов получит пансион и должность в другой губернии.

(Камергер Лаваль у герцога де Серра-Каприола, 5/17 января 1807 г.)

XXXVII

Один русский договаривается со знакомым чиновником о том, что за пятнадцать тысяч рублей тот достанет для него место. Все так и получается, но потом первый пишет своему благодетелю, что, к величайшей досаде, таких денег у него нет и что он просит благосклонно принять от него пять тысяч, которые он и посылает. Взбешенный благодетель показывает это письмо своему начальству и говорит, что его отправитель хотел всякими правдами и неправдами получить место. После этого нового служащего, уже успевшего вступить в должность, лишают его звания, а разоблачителя награждают крестом св. Владимира за безукоризненную честность.

(Рассказано камергером Гурьевым 5/17 января 1807 г.)

XXXVIII

Старый граф Строганов недавно приобрел столовое серебро у одного петербургского торговца. Заплатив ему, он сказал:

— А теперь, мой друг, когда я тебе уже заплатил, скажи-ка мне, насколько ты меня обманул? Скажи по совести». Торговец замаялся.

— Я вижу, братец, что ты здорово меня надул. А почему бы тебе не остаться честным и не удовольствоваться разумной ценой?

— Так что тут поделаешь, господин граф, — ответил купец. — Я ведь русский.

(Рассказано самим графом 5/17 января 1807 г. «Я хотел, — добавил граф, — побить его палкой за столь непочтительный отзыв о нашем народе».)

Тем не менее он это рассказал, и все слушавшие смеялись.)

XXXIX

Прогуливаясь по Невскому проспекту, господин де Торси, француз, встречает господина де Растиньяка, гвардейского офицера, служащего в Аничковом дворце. Растиньяк приглашает соотечественника к себе в офицерскую комнату. Де Торси входит и видит какого-то господина, который вальяжно курит трубку.

— Что это за человек? — спрашивает де Торси.

— Это наш постоялец, который находится в нашей власти уже четыре с половиной года.

— Как так?

— Да, уже четыре с половиной года, как он здесь. Он служит в морском флоте. Его обвинили в растрате казенных денег и поместили сюда до суда, но поскольку целых двадцать шесть человек, имеющих орденские ленты и пансион, не заинтересованы

в том, чтобы он предстал перед судом, его и не судят, и он проживает у нас. Каждый вечер мы отпускаем его к себе домой, а на утренней поверке он должен быть здесь.

(Де Торси, 5/17 января 1807 г.)

XL

Шестьсот тысяч рублей уходит на поддержание Петергофского дворца и садов. Кроме того, четыреста тысяч выплачивается тем, кто расходует еще тридцать тысяч.

(По словам одного министра, июль 1808 г.²⁷)

XLI

Каждый месяц для Екатерины II покупалось овощей на сумму в двадцать семь тысяч рублей.

За тот же месяц в счет на Царское Село было включено пятьдесят четыре тысячи пар цыплят.

Стол князя Потемкина обходился в пятьсот рублей ежедневно и обычно он был весьма плох. Нередко вино было просто невозможно пить.

Однажды, находясь в Царском Селе, великий князь Павел (впоследствии Павел I) слегка оцарапал ногу. Он показал царапину врачу, который посоветовал немного смазать ее салом. В тот день в смету был внесен пуд (тридцать восемь фунтов) сала, который оплачивался каждый день на протяжении трех лет.

(Весьма верный источник, август 1808 г.)

XLII

Коллекция гравюр, находящаяся в Эрмитаже, — самая прекрасная из всех, что существуют, но охрана крадет их нещадно. Даже перевязанные собрания калечатся, некоторые гравюры просто вырезают.

В настоящее время там работает один весьма уважаемый и честный художник, который и рассказал мне об этих милых проделках.

(Август 1808 г.)

XLIII

Недавно, просматривая расходную книгу своего имения, камергер Его Императорского Величества Власов обнаружил необычную расходную статью: «Пятьдесят рублей выделены губернскому врачу за то, чтобы он не осматривал больных».

Удивленный столь странной статьей, Власов попросил разъяснений.

«Сударь, — ответили ему, — в прошлом году, когда все боялись чумы, врач, присланный губернатором, повелел издать указ: как только он будет подъезжать к какой-нибудь деревне, всех больных в назначенный час надо выносить на большую дорогу для осмотра. Была полная неразбериха, некоторые умирали и все сильно мучились. Мы решили сделать подношение врачу, чтобы освободить его от этого осмотра. Предложили

ему пятьдесят рублей, которые он и взял.
Они включены в смету».

(Рассказано камергером Лавалем 1/13 сентября 1808 г. со слов его племянника господина Власова, недавно прибывшего из своего имения.²⁸)

XLIV

Один знакомый иностранец купил девку за восемьдесят рублей, включая правительственные расходы, как он мне сказал. Мать девки сказала покупателю: «Слава Богу, что моя дочь попала в такие хорошие руки» (1808 г.).

XLV

К настоящему времени (январь 1809 г.) армия уже два года не имеет обмундирования. Те, кто находится в Финляндии, не имеют ничего, и солдаты в основном одеты в крестьянскую одежду (наверняка краденую). Мне думается, что в Финляндии в течение кампании, длившейся год, погибли по меньшей мере сорок тысяч человек, из них три четверти, наверное, от плохого климата. Рекрутские наборы идут постоянно, и правительство в значительной мере усугубило повинность, требуя, чтобы рекрутов доставляли в военной форме, но с крестьянским сукном. Все суконные фабрики в империи находятся в стесненных обстоятельствах, получив приказ производить только солдатское сукно; это обязательно разрушит все такие фабрики.

· XLVI

Открыли школу правоведения, но для того чтобы заполучить учеников, им надо платить. Им дают триста рублей, предоставляют жилье, обеспечивают дровами и свечами, в дальнейшем обещают звание капитана и гарантируют работу в судах. Однако всего этого оказывается недостаточно для того, чтобы появились первые кандидаты, и после первого набора учеба находится на грани срыва ввиду недостатка учащихся (30 января/11 февраля 1809 г.).

Так и получилось (август 1810 г.).

XLVII

Канцелярия управления театрами обходится в восемьдесят тысяч рублей. Некоторые слуги главного распорядителя (обер-камергера Нарышкина) и даже один калмык, который ему прислуживает, считаются служащими и, следовательно, оплачиваются за счет публики (1809 г.).

XLVIII

Когда допрашивают свидетеля, первым делом спрашивают, причащался ли он на Страстной неделе, а также задают другие подобные вопросы, касающиеся его поведения. Если он в чем-то заслуживает порицания, начинают наводить справки о нем самом, стремясь, по крайней мере, узнать, не лжесвидетельствует ли он.

Для того чтобы заставить свидетеля говорить правду, его довольно часто запугивают и даже бьют, хотя закон этого и не допускает. Во время царствования Павла I по ночам в тюрьмы вводили солдат в дьявольском одеянии, чтобы устрашить свидетелей, уже попавших в темницу, и заставить их говорить.

С этого царствования, во время которого было утверждено звание генерал-губернатора, не утихает большая путаница в делах, и все по той причине, что сферы полномочий

гражданских и военных губернаторов четко не разграничены. Нет той четкой и непреложной грани, которая отделяет одну власть от другой. Отмечали, что лучшими судами являются суды первой инстанции, потому что на этом низком уровне интриги обычно не затеваются. Суды портятся по мере их возвышения, и там, где речь заходит о Сенате, суд уже представляет собой не что иное, как игру случая, в силу того влияния, которым обладают люди могущественные, и особенно в силу влияния, которое имеет государь. Имперские прокуроры имеют огромное влияние, чрезвычайно важно, какой именно прокурор будет вести тот или иной процесс, а это зависит только от императора. Иногда мнение, которое министр высказывает как министр противоречит мнению, которое он высказывает как судья, находясь на судебном заседании, потому что он знает, что на этот счет думает император, и с чистой совестью соглашается с его мнением.

Один честный сенатор, высказывая мнение, которое противоречило точке зрения министра юстиции, боялся обидеть последнего, и каково же было его удивление, когда министр, отведя его в сторону, сказал ему: «Вы доставили мне большое удовольствие, выступив против меня, потому что на самом деле я высказал такое мнение

лишь ради того, чтобы угодить императору, в действительности же я думаю как раз наоборот».

(Из разговора с генералом С., 14/26 июня 1809 г.)

XLIX

Самая характерная черта русского человека — безразличие, особенно по отношению к бедам и страданиям человечества. Событие, которое в какой-либо другой стране заставило бы говорить о себе целую неделю, здесь не производит ни малейшего впечатления. Необычные виды смерти, например, казни, которые в других странах вызывают такой большой интерес, в России не привлекают никакого внимания. Я здесь уже восемь лет и никогда не слышал никаких разговоров о казни, никогда не слышал, чтобы говорили: «Сегодня секли такого-то за такое-то преступление. Он сказал то-то и то-то». Никогда. В прошлом году однажды утром на воду спустили десять военных кораблей; собралась огромная толпа, и зрелище действительно было великолепным. Но тут случайно выстрелила пушка, и одного моряка разнесло в клочья. Никто этого не

заметил или, лучше сказать, все, кто заметил, не стали это обсуждать. Я случайно узнал об этом через несколько дней, находясь у морского министра. Еще раньше взорвавшаяся пушка убила и покалечила семь человек. Никто об этом не говорил, и я опять-таки случайно узнал обо всем от одного министра. Среди русских как будто существует некое молчаливое согласие никогда не говорить о таких вещах, и потому бесконечное множество таких происшествий тонет в неизвестности. Мне даже кажется, что нередко они нарочито лгут, чтобы отбить любопытство. Бесспорно одно: трудности, которые сопровождают стремление узнать правду о самых громких общественных событиях, превосходят всякое воображение.

Однажды император, губернатор, начальник полиции и офицер полиции рассказывали одному моему знакомому уж не помню о каком мрачном событии. Каждый дал свою оценку, не совпадавшую с оценками других.

Зимой 1808 г. во время оттепели несколько человек вышли на лед, огромная льдина оторвалась и унесла этих безрассудных, плывших на этаким мрачном пароме и не ведавших, что с ними будет. Наконец льдину зацепили и притянули к берегу, но так и не удалось узнать, все ли несчастные спаслись. Сначала сказали, что спаслись

все, потом добавили, что все, *кроме троих*, потом — все, *кроме двоих*, и, наконец, все, *кроме одного*. Я расспрашивал повсюду, другие, конечно, делали то же самое, но вскоре всем это надоело и особенно русским, которые не слишком и вникали во все произошедшее, и никто так и не узнал правды. Полиция ничего не говорит или лжет, она никогда не считает это своим долгом.

В одно прекрасное утро (когда Казанский мост стал таким большим, каким он является сейчас) я неожиданно увидел под мостом на льду две проруби, покрытые решетками. Мне тут же рассказали, что какой-то злодей воспользовался длинной, темной дорогой через мост и совершил преступление. И действительно, пока сани тащатся по этой длинной дуге, кучер вполне может успеть что-нибудь украсть или даже перерезать горло человеку, которого он везет, и спустить его под лед через одну из прорубей, которые всегда есть на реке. Русская полиция наверняка не могла этого предвидеть, потому что во всей вселенной нет никого менее предусмотрительного, чем русский. Таким образом, произошло нечто странное, но никто ничего об этом так и не узнал.

В ту пору, когда здесь находился прусский двор, в одном из домов, названных на

немецкий лад экзерциц-хаусами и построенных для того, чтобы войска могли совершать свои экзерциции невзирая на время года, решили провести большой смотр. Все было назначено на девять часов утра, а около семи часов этот слишком перегруженный дом, который к тому же, вероятно, был плохо сконструирован, просто рухнул. Через два часа там должны были присутствовать император, его брат, прусский король со своими двумя братьями, три или четыре других высокопоставленных лица, множество сановных лиц обоих дворов, а также немалая часть отборных войск. Невозможно представить размах катастрофы, если бы таковая произошла. Тем не менее я не слышал, чтобы кто-нибудь обмолвился об этом хоть одним словом, а ведь я ходил по всему городу. Когда я попытался в качестве пробы заговорить с теми, кто попадался на глаза, все, кто слушал меня, всегда изображали удивление, словно прибыли откуда-то издалека.

«Ах, что вы говорите», — восклицали они, а затем переходили к чему-то другому.

Однажды, отправившись погулять, чтобы познакомиться с городом, я поскользнулся на льду и упал, да так сильно, что мне показалось, будто я что-то серьезно себе повредил. Мое жилище было далеко, и к тому же я никого не знал. Странная мысль тотчас за-

кралась мне в голову: «А что если я вообще не смогу подняться?» Я лежал, не двигаясь. Мимо меня проходили люди, и никто не подумал подойти и поднять меня. Пролежав несколько секунд в качестве эксперимента, я поднялся сам, благо ничего серьезного, к счастью, не произошло; я мог бы продолжить этот опыт, если бы место было сносным.

(Июль 1809 г.)

Л

Иностранцев, проживающих в России, чрезвычайно сильно вводит в заблуждение то, что они называют *невежливостью русских*, не задумываясь о том, что обычные проявления принятой у нас вежливости здесь просто не в ходу. Принять кого-либо с визитом и не нанести ответного, пригласить кого-нибудь к себе домой и самому не оказаться дома, получить письмо и не ответить на него и многое тому подобное, — все это у нас воспринимается как грубая невоспитанность, но здесь все это не имеет никакого значения, и такие поступки здесь совершают довольно часто, не имея ни малейшего желания как-то оскорбить вас или просто шокировать. Что касается писем, то они особенно воспринимаются как нечто весьма необычное. Никогда не следует посылать важное письмо с каким-либо русским, потому что он почти всегда или потеряет его, или позабудет о нем, или его прочтает.

Я сам имею в этом деле неприятный опыт. Одна моя знакомая из Вены попросила княгиню Р., одну из первых дам этой страны, передать мне длинное письмо, в котором она очень конфиденциально писала о разных делах. Княгиня прибыла, но никакого письма мне не передала. Через несколько дней, получив другое письмо от моей венской знакомой, я узнал, что она передавала мне первое письмо с княгиней Р. Я встревожился и, не будучи напрямую связанным с княгиней, попросил наших общих знакомых сообщить ей о письме, но оно так и не прибыло. Быть может, оно затерялось, или княгине просто не хотелось извлекать его из какой-нибудь коробки. В конце концов, дело приняло характер настоящих переговоров, которые велись письменно, как какое-нибудь политическое дело, и после очень долгого и томительного ожидания я все-таки получил его и, как мне показалось, получил не вскрытым. Однако спустя некоторое время князь В., приходившийся братом этой даме, сказал в разговоре обо мне: «Он воспринял это слишком серьезно». Сказанное примечательно, потому что в представлении упомянутого князя конфиденциальное письмо, о котором просто позабыли, которое, быть может, даже прочитали, не являлось чем-то важным. Итак, никогда не передавайте письма с русским

человеком, потому что по всем законам вероятности он оставит его при себе, если вы не напомните ему о нем, и рассердится, если напомните. Молчание — великий закон русского; как только он оказывается в затруднительном положении или имеет что-либо против вас, он никогда не стремится сказать то, что в таком случае требуется сказать, он вообще ничего не говорит. Он никогда не старается объясниться, такое слово ему незнакомо. С каких бы сторон вы к нему ни подходили, он всегда сумеет ускользнуть. Уклончивые ответы, особенно посредством писем, ему незнакомы. Напишите русскому о чем-нибудь таком, в чем он не сможет дать вам полный ответ или что так или иначе стесняет его, но что по нашим европейским представлениям о вежливости и приличии вовсе таковым не является, и он не ответит вам, кем бы вы ни были. Можно привести прекрасный пример, имевший место в прошлом году. Одна из первых дам Европы, скажем без преувеличения, написала одному здешнему придворному о касающемся ее деле, но не получила никакого ответа. Она пришла в негодование, но это ничего не дало, и если бы она его знала лучше, она бы просто рассмеялась. Если русский обращается к вам, прося о каком-то деле, подумайте хорошенько, прежде чем

согласиться, так как, если он передумает, вы попадете в затруднительное положение (если, например, он попросит вас приобрести дорогую мебель или найти человека, способного выполнить для него то или иное дело). Он преспокойно заставит вас самих разбираться с этим человеком и не потревожится о том, что вы этому человеку будете говорить. Вы обратитесь к нему за разъяснениями и не получите ответа, вы напишете ему, но ответного письма не получите. Итак, всегда оговаривайте условия, прежде чем за что-либо браться, оговаривайте их как с самым первым лицом этой страны, так и с последним лавочником, и никому не доверяйте (1809 г.).

Если русский что-то пообещал вам, а потом у него возникли какие-либо трудности в выполнении обещанного, он больше не станет с вами об этом разговаривать — такова его манера. Ему никогда не придет в голову спросить себя: «Что он обо мне подумает и скажет? Ведь он решит, что я человек, который не умеет держать слова». Это ему не важно. Даже в том случае, когда он с самого начала прекрасно знает, что не сможет исполнить вашу просьбу, он все равно почти всегда скажет вам «да», оставляя за собой право ничего не делать и молчать (16/28 марта 1810 г.).

LI

Сильно чувствуя нравственное превосходство иностранца, русский всегда находится настороже в общении с ним и больше всего боится показать, что собеседник производит на него впечатление. Об этом никогда не следует забывать, если приходится иметь с ним дело. Вы хотите, чтобы он что-то взял? Бросьте это «что-то» перед ним на землю, но перед этим непременно расхвалите это брошенное. После уходите, и тогда он подберет его и заплатит вам столько, сколько вы хотите. Если же вы вложите эту вещь ему в руки, он от нее непременно откажется. Забывая об этой истине, иностранные торговцы совершают большие ошибки. Если вы ведете переговоры с российским кабинетом министров, постарайтесь сделать так, чтобы он захотел того, чего хотите вы сами, и представьте дело таким образом, чтобы, исполняя вашу волю, ему казалось,

что он сам так решил. Именно в этом и заключается вся наука.

Один французский дворянин, находившийся на службе в России, когда она воевала в Финляндии, привез оттуда посох, на котором были начертаны руны. Генерал Н., большой любитель достопримечательностей, захотел его исследовать, и француз, не задумываясь, отдал ему посох. Прошло много времени, посох не возвращали, и тогда француз послал генералу записку с просьбой вернуть ему эту вещь. Снова никакого ответа, что, собственно, и есть правило, а не исключение. Владелец посоха пишет новую записку. Снова никакого ответа. Наконец, он сам отправляется к генералу, который, приняв его, говорит: «Мне очень жаль, но сейчас я не могу вам вернуть ваш посох, он у генерала С. [другого замечательного любителя редкостей], который взялся расшифровать написанное на нем».

Француз отправляется к генералу С. и встречает там его сына, молодого военного, который говорит ему: «Папа будет очень изумлен, потому что считает, что этот посох принадлежит ему».

Приезжает папа. Выслушав француза, он чрезвычайно удивлен, потому что генерал Н. отдал этот посох ему, вероятно, стремясь произвести какое-то впечатление (что, впро-

чем, никак нельзя было проверить). Генерал С. сам иностранец и потому безоговорочно возвращает посох владельцу.

Русский ничего не знает досконально и не стремится ничего постичь основательно. Он очень легко добирается до определенной незначительной глубины, но потом внезапно останавливается и дальше не идет. Я посетил все школы, все гимназии, присутствовал на всех экзаменах, которые сдавали как молодые люди, так и девицы, и не встретил то, что называют талантом.

Будучи столь посредственным, русский необычайно горделив, обладает большой сноровкой разгадывать человека и еще больше способен погубить его, если решил это сделать. Самое большое преступление в его глазах — это желание быть более утонченным, чем он, и об этом иностранцу никогда не следует забывать. Для того чтобы добиться всего возможного в этой стране, надо быть добрым малым или казаться таковым. Если вы решили обходиться с ним более тонко, он приходит в негодование, считая, что вы посягаете на него, и не преминет обесславить вас или как-нибудь навредить. В чужих краях вы можете посмеяться над ним, но в его стране лучше оставить его в покое и не слишком обнаруживать перед ним свой ум (20 июля/1 апреля 1809 г.).

ЛII

Однажды в одном очень хорошем доме я услышал такую фразу: «Он три раза чуть не проиграл тяжбу, хотя заплатил двенадцать тысяч рублей, чтобы выиграть ее».

Благодаря этой примечательной фразе мы в узком семейном кругу приступили к долгому обсуждению упомянутой тяжбы. Предмет судебного разбирательства стоил около сорока тысяч рублей. Три раза судьи были готовы принять определенное решение, но потом появилось письмо министра внутренних дел, поддерживающее одну даму, и процесс остановился. Наконец, неоспоримое право возобладало (по крайней мере, так говорят).

— Но эти деньги, конечно же, были даны только секретарям? — спросил я.

— Да, секретарям, — ответили мне, — но один из них без обвиняков сказал, что получает шесть тысяч рублей, одна тысяча

причитается ему, а об остальных пяти он должен отчитаться.

Куда пошли эти деньги? Я ничего об этом не знаю (24 июля/5 августа 1809 г.).

Это происшествие напомнило мне о том, как три или четыре года назад прусский посланник представлял интересы одного пруссака, получившего наследство в шестьдесят тысяч рублей. Это были вполне прозрачные, чистые от долгов деньги, полностью представленные суду и не имевшие никакого обременения и никакого другого претендента, однако заседавшие в суде люди ясно дали понять, что снять арест с этих денег можно будет только после того, как им будет отчислено семь тысяч, что и пришлось сделать.

Я услышал эту историю от этого министра-посланника, с которым был тесно связан.

ЛIII

Российская академия недавно выпустила в свет французско-русский словарь. В статье *Pompe* выражение *pompe foulante** было переведено как вызывающая роскошь.
(Апрель 1810 г.)

---

* Слово *pompe* означает «роскошь», «пышность», а его синоним означает «насос». Выражение *pompe foulante* означает «нагнетательный насос» (Прим. пер.).

LIV

В настоящее время кредитных билетов имеется на сумму в восемьсот миллионов. К моменту кончины графа Васильева²⁹, последнего министра финансов, который умер два с половиной года назад, их имелось лишь на сумму в четыреста пятьдесят миллионов.

(Из превосходного источника, 16/28 марта 1810 г.)

LV

В свое время, когда кого-либо приговаривали к сечению кнутом, губернатор отдавал этого человека в руки палача, и тот без какого-либо сопровождения вел его к месту казни. Дойдя до этого места, палач хватал за шиворот первого попавшегося из крестьян, собравшихся поглазеть на происходящее, и заставлял его держать приговоренного за плечи, а сам приступал к исполнению наказания. Сегодня к месту экзекуции приговоренного сопровождает полиция, и она же приводит в исполнение приговор. Вокруг виновного нет военных, при наказании не присутствует нотариус. Меня даже уверяют, что если толпа начинает напирать, полиция отгоняет ее, впрочем, уверяли и в обратном, так что здесь ничего нельзя сказать наверняка (2/14 марта 1811 г.).

LVI

Нет ни колокольного звона, ни какого-либо знака, который возвещал бы о часе совершения наказания. Приговоренный, находясь с палачом один на один, ведет с ним переговоры и, предложив ему денег, добивается освобождения от наказания или смягчения его. Хочу побороть отвращение и пойти сам, чтобы разузнать, как оно происходит на самом деле (2/14 марта 1810 г.).

LVII

Отличительная черта русского — это высший страх перед высшим лицом и высшее же к нему презрение. Человек, который, говоря с правителем, что-то бормочет и просто не находит слов, быть может, думает о том, как убить его, и смеется над его повелениями, когда того больше нет рядом. Надо точно изложить эту мысль (3/14 июня 1810 г.).³⁰

Часть вторая
АНЕКДОТЫ О. ГРИВЕЛЯ

LVIII

Петр III был герцогом Гольштейнским и внуком Петра Великого по матери. Императрица Елизавета, дочь Петра Великого, не будучи замужем, призвала своего племянника, провозгласила его наследником империи и женила на принцессе Софье Фредерике Анхальт-Цербстской, будущей Екатерине II. Став императором, Петр III проявил большую благосклонность по отношению к немцам и лютеранам. Из них он сформировал полк, который повсюду его сопровождал. Для них он построил лютеранскую церковь в Ораниенбауме, а также включил в достояние своей короны все церковные владения, а священникам начал платить жалование, чего ни Петр Великий, ни его последователи не дерзали предпринимать.

LIX

Екатерина не вернула духовенству владения, отнятые у него Петром III, но хотела извлечь его из тьмы невежества, в котором оно пребывало, и с которым она сталкивалась почти везде. Она открыла несколько университетов, академий и семинарий, в частности, в городе Киеве, где сыны русских священников, единственные (как у евреев) кандидаты на священнический сан, должны были в какой-то мере постигать богословие и церковно-славянский язык, являющийся языком литургии русской Церкви.

LX

Во время царствования императора Павла о. Габриэль Грубер, генерал ордена иезуитов, пользовался большой благосклонностью императора, который хотел назначить его главой инженерно-артиллерийского совета, подобно тому как в Пекине один иезуит был возведен в сан великого мандарина собрания математиков. О. Габриэль отказался, однако Павел хотел, чтобы он присутствовал на совете и высказывал свое мнение по тем или иным вопросам. Кроме того, он хотел даровать ему различные ленты, ордена и крест, но Грубер от всего этого отказался. В 1800 г. Павел сказал ему: «Я потратил три года на то, чтобы сформировать армию, и теперь у нее прочное основание. Мне понадобится еще три года для того, чтобы преобразовать суды, а потом я займусь духовенством». Русское дворянство с удовольствием воспринимало реформы,

проводимые в армии, оно приветствовало бы и реформу духовенства, но к продажным судам, необоснованно затягивавшим судебные тяжбы, у него был свой интерес, и оно объединилось с англичанами, которых страшила судьба их владений в Индии. Они вознамерились объявить Павла сумасшедшим, представить неким Дон Кихотом. Они узнали (хотя это держалось в строжайшем секрете), что Павел вел переговоры с царем Персии, и тот согласился послать на южный берег Каспия пятьдесят тысяч верблюдов, на которых шестьдесят тысяч русских должны были переправиться в Бенгалию. Двадцать пять тысяч казаков перешли Урал и направились через небольшую Бухару и Хиву на соединение с теми шестьюдесятью тысячами, которые продвигались через Моздок и Грузию.³¹

LXI

Однако было бы неправильным считать, что Павла убили англичане, стремившиеся предотвратить этот поход. Это преступление — дело рук одной лишь российской знати.

В ту пору своекорыстие брало в ней верх над любовью к родине, тогда как Павел хотел осуществить два высоких замысла во имя чести и блага своей страны.

Он стал великим магистром Мальтийского ордена, и если бы ему удалось ослабить Англию, он постарался бы отвоевать у нее остров Мальту и стал бы господствовать в Средиземном море. Замыслы, касающиеся религии, наверное, тоже входили в этот план; он, вероятно, пожелал бы соединения русских с католической Церковью, и шагом в этом направлении как раз и стало его избрание великим магистром католического ордена. Есть все основания полагать, что он

был тайным католиком, и лучше всего об этом должен был знать папа Пий VII. Когда он узнал о смерти Павла, он сказал эрцгерцогине Марианне, сестре императора Франциска (а та повторила это о. Розавену, от которого я это и узнал), что он «каждый день, совершая мессу, молится об упокоении души императора Павла». Если бы Павел умер схизматиком, то Пий не молился об упокоении его души во время совершения *мессы*.

LXII

Русские подозревали, что он может быть католиком, а он, со своей стороны, любил приводить в замешательство русское духовенство. Когда приближался праздник Рождества, он велел передать архиепископу, что собирается на Пасху совершить торжественное богослужение в соборе. Ужас охватил Священный синод, который послал к нему депутацию, призванную сообщить, что, не будучи рукоположенным священником, он не может совершать богослужения.

— Но разве я не являюсь главой русской Церкви? И если вы, мои подчиненные, можете совершать богослужение, то тем более это могу делать я, начальствующий над вами, — ответил Павел.

Священный синод снова задумался, чтобы дать ответ на этот категоричный довод. Императору сказали, что в Церкви нет такого великолепного облачения, в которое было

бы непостыдно облечься Его Императорскому Величеству.

— Это не важно, — ответил Павел, — я повелю сшить его.

Синод снова задумался. Наконец, императору сказали, что он был дважды женат, а русская Церковь не приемлет двоеженства.

Тогда Павел решил, что пора прекратить эту комедию и не смущать духовенство, однако оно все-таки было неповинно в его смерти.

LXIII

А теперь я приведу пример того, сколь ученым является русское духовенство. О. Василий, представитель белого духовенства, самый уважаемый из всех священников Петербурга и к тому же знающий французский язык, который он выучил, когда служил при русском посольстве в Париже, перевел на русский язык книгу иезуита о. Грассе, посвященную природе Святого причастия. Однако Священный синод, состоящий из девяти епископов, назначенных императором и заменявших патриарха, упраздненного Петром Великим, не позволил опубликовать этот перевод, потому что архиереи сочли эту книгу слишком католической.

— Все очень просто, — сказал о. Василий, — автор действительно является католическим священником, но он ничего не говорит о трех спорных вопросах, а именно

о папе, чистилище и исхождении Святого Духа; он говорит только о евхаристии, а в этом мы совершенно едины с католиками.

— Прекрасно, — ответил ученый Синод, — но о. Грассе цитирует отрывки, которых нет в Священном Писании. Мы, например, никогда не слышали о таком отрывке: «*Pinguis est panis ejus et praebebit delicias regibus?*»

— Но неужели вы полагаете, что иезуит мог прибегнуть к такой фальсификации? — недоумевал о. Василий.

— О. Василий, — ответили ему, — вы всегда сочувственно относились к католикам.

— Нет, но, опубликовав эту книгу, я просто хочу заработать немного денег для жены и детей. Если я найду этот отрывок в Священном Писании, могу ли я надеяться на то, что Ваши Святейшества позволят мне опубликовать мой перевод?

— Можете, но мы ручаемся, что вы его не отыщете.

Не теряя ни минуты, о. Василий побегал к о. Андрею Чижу, который в 1810 г. был ректором коллегии иезуитов, и нашел у него о. Розавена³², отвечавшего за учебу, которому и рассказал о случившемся. Переглянувшись, отцы улыбнулись, открыли Библию и показали ему этот знаменитый от-

рывок из XLIX главы Книги Бытия
(20 стих).

— Слава Богу, — воскликнул о. Василий, — теперь мой перевод напечатают.

Так оно и вышло.

LXIV

О. Анджолини³³ решил отремонтировать церковь при нашей коллегии в городе Витебске и сделал из нее подлинное чудо. В его распоряжении находился подрядчик по строительным работам, человек весьма умный, который попросил священника отпустить его к семье, обещая вернуться в конце шестой недели. Он уехал и не вернулся. Через год или два о. Анджолини отправился в поездку и остановился в одном большом поселении. Однажды, прогуливаясь, он увидел вдали православного священника: длинные волосы, ниспадающие по плечам, роскошная борода, подрясник, перехваченный поясом, а поверх его — ряса с широкими рукавами (зеленая, красная или фиолетовая — неважно: каждый священник выбирает цвет по своему вкусу), в руках посох. Все его одеяние, очень красивое, источало строгое величие. Поравнявшись с о. Анджолини, свя-

щенник снял свою широкополую шляпу и приблизился к нему с видом старого знакомого.

— Вы не узнаете меня? — спросил он.

— Нет.

— Я ваш бывший подрядчик.

— А теперь вы священник?

— Да.

— Как так?

— Когда я приехал к своей матушке, священник в нашей деревне только что умер, и мой хозяин, здешний помещик, помня о том, что я довольно хорошо знаю церковно-славянский язык, послал меня к епископу с письмом и тремястами рублями [шестьсот франков] на мое рукоположение, и вот теперь я священник здешнего прихода.

Таково положение русского белого духовенства, и так как эти священники имеют жен и детей, их никогда нельзя будет вытащить из их невежества, потому что они сами не смогут или не захотят учиться.

LXV

Однако правительство, стыдясь, что православное духовенство так сильно уступает католическим священникам, постановило, чтобы в главной церкви каждого города каждое воскресенье по меньшей мере четверть часа читалась проповедь. Священник читает или, выучив наизусть, рассказывает какой-либо отрывок из какой-либо книги, переведенной с немецкого, латинского или французского, выкладывая все, как может. Если он знает один только русский (а таких священников триста против одного), он выстраивает свою проповедь по гомилиям русского архиепископа Платона, а также по Амвросию или другим монахам.

LXVI

Платон³⁴ был монахом, знавшим латинский, французский и немецкий. Его считали очень образованным человеком, что среди русского священства означает большую ученость. По-видимому, он много читал, но не имел под рукой какого-либо метода и к тому же ничего не осмыслял. Екатерина II сделала его духовным наставником царевича Павла. Платон хотел подражать Боссюэ и сочинил для своего воспитанника труд по религии, в котором среди прочих положений, противоречивших даже русской Церкви, утверждал вслед за Лютером, что отпущение грехов совершается только благодаря вменению праведности, возвещаемой по отношению к грешнику, оспаривал, как и полагается, первенство римского епископа и утверждал, что в своей Церкви Иисус Христос установил республиканский принцип правления, при котором все священники

равны (об этом же он говорит и в третьем томе своей «Истории Церкви»); он отвергал чистилище и признавал моление за умерших. Если бы он отверг эти молитвы, священники с негодованием воззвали бы к Екатерине, потому что такие требы хорошо оплачиваются. Однако Дютем, священник женевской церкви, который также совершал свое пастырское служение и в Лондоне, выступил против такого утверждения Платона, сказав, что если не существует чистилища, то в таком случае нет смысла молиться и за умерших. Платон защищался, но это плохо у него получалось. Дютем опубликовал их переписку, и за границей увидели, что он разгромил Платона в пух и прах. Что касается русских, то национальная гордость, выражающаяся в аксиоме *один Бог, одна религия, один царь*, помешала им признать поражение своего борца.

Он говорил, что Святой Дух исходит только от Отца. В русском университете, расположенном в городе Киеве, он поднял вопрос, который был представлен на суд Екатерины. Один преподаватель богословия, прочитав у св. Василия, что Святой Дух исходит от Отца *через* Сына (так считают католики), стал утверждать, что таково учение православной католической греко-русской Церкви (русская Церковь

употребляет по отношению к себе все четыре наименования одновременно). Против него поднялась буря негодования, но императрица, будучи главой Церкви, в постановлении, касающемся исповедания веры, решила, что такое выражение допустимо. Получив изысканное образование, Платон был назначен архимандритом или настоятелем монастыря Святой Троицы, расположенного в тридцати милях (пятидесяти верстах) от Москвы, а затем московским митрополитом или архиепископом.³⁵

LXVII

Будучи изысканным литератором, изящно писавшим на русском, Платон был вхож в высший свет Москвы. Если представители белого духовенства, которые все без исключения были женаты, там не принимали, кроме протопопов, то монахов и, особенно, епископов встречали там почтительно. Платон часто встречался там с молодой княгиней Голицыной, красивой, живой и умной. Однажды епископ совершал торжественное богослужение, и когда он в сопровождении всего сослужащего ему духовенства вышел из алтаря, он увидел княгиню. В тот же вечер он послал ей довольно витиеватые стихи, смысл которых сводился к следующему: «Погруженный в созерцание Божества, которое я нес в своих руках, я чувствовал, что мой ум и сердце пребывают на небесах. Но тут я опустил взор к земле и что же я увидел? Предо мной предстало иное божество...

В этот миг мой ум и сердце снизошли с небес, и с тех пор они были погружены только в одну мысль». Княгиня показала эти стихи другим, галантность седобородого архиерея показалась слишком смелой, и Екатерина отправила его на покаяние на три месяца в его Троицкий монастырь. По существу, Платон был ни кем иным, как лютеранином, быть может, даже неверующим, но к католикам он относился с явной неприязнью.

LXVIII

Обер-прокурор Синода князь Александр Голицын³⁶ решил заставить русское духовенство учиться, и тем самым придать ему больший лоск, однако для этого дела ему не доставало преподавателей. Так как молодые семинаристы кое-что смыслили в латыни, преподавателями богословия им назначили протестантов-мирян. Однако эти лютеране признавали исхождение Святого Духа от Отца и от Сына, признавали причащение только под двумя видами, а также исповедовали прочие заблуждения, которые ненавязчиво внушали своим слушателям несмотря на данное ими обещание не касаться спорных вопросов. Высказывалось мнение, что иезуиты лучше держали бы свое слово, если бы они его дали. В это время они пользовались большой благосклонностью властей. Обер-прокурор Голицын оказывал большую поддержку идее преобразования коллегии,

расположенной в Полоцке, в *университет* (или в *академию*; русские употребляют эти два слова, не делая особого различия между ними)³⁷, и вскоре разрешение было получено.

Обратились к генералу ордена Фаддею Брзозовскому³⁸, который решил посоветоваться с Римом. Ожидая решения, русские почли это дело улаженным, и Филарет³⁹ решил узнать, кто именно из отцов иезуитов будет преподавать, и книгой какого автора он собирается пользоваться. Генерал ответил, что если все это действительно свершится, то преподавателем богословия назначат о. Ж.-Л. Розавена, который возьмет за основу теологию Сарданья и не станет касаться ни проблемы исхождения Святого Духа, ни чистилища, ни первенства римского епископа. В ту пору о. Розавен преподавал логику (что во Франции называют философией) в петербургском дворянском пансионе, и его учениками были почти одни только русские. Когда он перешел к преподаванию этики и рассуждениям о том, какое поклонение надо воздавать Богу, он доказал, что католическая религия является единственно истинной, а в качестве человека, выступающего против этого утверждения, он представил одного мусульманина, который от своего имени приводил аргумен-

ты деистов, схизматиков и еретиков, направленные против католической религии. В назидание этому бедному мусульманину он разбил все их доводы. То же самое о. Розавен сделал бы и по отношению к протестантам, но ни в коем случае не затрагивая три спорных положения. О. Филарет, который не заглядывал так далеко, очень хвалил деликатность о. Розавена в преподавании логики и ожидал, что так же дела будут обстоять и в преподавании богословия. Тем не менее он пожелал посмотреть книгу Сарданья и в этой связи генерал ордена представил ему экземпляр книги.

LXIX

Впрочем, замысел, связанный с преподаванием о. Розавена, не осуществился, и лютеранин-мирянин снова стал возглавлять кафедру богословия в семинарии Александроневской лавры.

Тем не менее вскоре стало ясно, что такое положение никуда не годится, и на о. Филарета оказали такое воздействие, что он, в конце концов, согласился взять на себя это преподавание. Как он справлялся без соответствующих курсов логики и теологии? Очень плохо⁴⁰, но русские не сознавались в этом. Тем не менее они очень хорошо видели, что надо что-то менять в обучении духовенства. Из тех, кто собирался стать попами или представителями белого духовенства, они отказались делать что-либо хоть в какой-то мере подходящее и ограничились образованием молодых монахов.

Граф де Местр предрекал, что если однажды русское духовенство начнет учиться, оно превратится в философов, что, собственно, и стало сбываться в среде монахов стараниями князя Александра Голицына. Он хотел, чтобы они играли определенную роль в литературном мире, и заставлял их учить не греческий или еврейский, которые почти никто из русских священников не знает, а современные языки, математику и все разделы физики, и вот из таких людей и станут составлять высшее духовенство и епископов, которые будут знать немного обо всем, кроме Священного Писания, логики и теологии. В таком состоянии монахи находились уже в 1826 г., о чем мне говорил граф Александр Толстой⁴¹, человек вполне здравомыслящий, учившийся в нашей коллегии в Санкт-Петербурге. Он смеялся над неразумием добрых и благочестивых русских, которые вообразили, что их монахи, пусть даже и приобретшие некоторый лоск, смогут соперничать в науке с каким бы то ни было иным христианским духовенством, будь то католическое или протестантское.

Итак, нет ничего удивительного в том, что императрица Екатерина потерпела неудачу, когда пожелала сделать своих священников людьми образованными.

LXX

Не стоит слишком удивляться, узнав, что русские не сильно уважают своих священников.

В 1806 г. в Полоцке господин де Кристин рассказывал мне о том, как граф Марков⁴² обходится со своими батюшками и как он причащается.

Хотя русское дворянство не соблюдает многочисленных постов, установленных в их Церкви, тем не менее в течение трех дней, предшествующих исповеди и причащению, дворяне постятся, и в дом два раза в день приходит священник, чтобы совместно читать принятые в таком случае молитвы. Однако некоторые благочестивые русские совершают эти молитвы в церкви.

Священник приходил в понедельник на Страстной неделе, а также в последующие дни, но так как священников никогда не принимают в салонах (кроме протопопов

и монахов), он оставался в прихожей с прислугой, потому что граф еще не пришел из часовни. Хозяева не вышли на совершение молитв, и на протяжении двух часов батюшка попеременно молился, пил водку и болтал с прислугой, а потом ушел.

Наконец наступает вечер среды, время исповеди. У графа собрались гости, до двух часов играли в карты, а потом дворецкий объявил, что *господин зовет к ужину* (потому что граф никогда не был женат). Кончили играть, граф подал руку какой-то даме и, когда они через переднюю шли в столовую, он сказал ей: «Прошу прощения, мадам, но мне надо сказать два слова его преподобию». Они останавливаются, граф достает из бумажника двадцать пять рублей (в ту пору это составляло пятьдесят франков) и, протягивая их священнику, громко говорит: «Ваше преподобие, это за мои грехи, как в прошлом году». Поп взял деньги и начал читать формулу отпущения грехов, а когда закончил, граф уже снова держал даму под руку.⁴³

На следующий день все отправились в церковь и там причастились, граф первым. Такой удобный подход — вполне обычное дело в России.⁴⁴

LXXI

Адмирал Кутузов⁴⁵ был суровым человеком. В его дворце была часовня и русский священник при ней. Один из наших пансионеров, граф Войнович, сын черноморского адмирала, сказал мне, что в Пасхальную ночь он находился в гостиной, где собралась вся семья Кутузова, ожидая полуночи, чтобы идти в часовню. Пробило полночь, но священник не появился.

— Отыщите его, — сказал адмирал.

Отправились на поиски, но нигде не обнаружили.

— Сейчас мы быстро его найдем, — сказал Кутузов. — Пойдите в кабак, наверняка он пьет там с дворниками.

Так и оказалось. Священника привели.

— Отведите его на конюшню, — сказал адмирал. — Пусть получит двадцать пять ударов кнутом и тотчас начинает службу.

LXXII

Вот так русские уважают свое духовенство. Когда Суворов в 1799 г. переходил через Альпы, в Павии, что в Ломбардии, находился госпиталь русских солдат, хотя гарнизон был австрийским. Однажды русскому капеллану при госпитале понадобилось о чем-то поговорить с немецким генералом, в ведении которого этот госпиталь находился. Священника ввели в большой зал на первом этаже и попросили там подождать генерала. Служанка, очень захотевшая посмотреть, как выглядит русский священник, спряталась за стеклянной дверью и оттуда стала его разглядывать. Оставшись в зале, священник подошел к камину, на котором стояли два серебряных подсвечника, снял их оттуда и спрятал в широкие рукава своей рясы. Вскоре пришел генерал, выслушал священника и уладил его дело. Священник стал медленно спускаться по лестнице, но

служанка оповестила генерала о том, куда подевались подсвечники. Генерал вышел на балкон, находившийся прямо над воротами, через которые должен был проходить священник, велел стоявшему там часовому арестовать его и препроводить обратно в сопровождении четырех солдат. Поп вернулся, его обыскали, подсвечники изъяли, а генерал написал записку начальнику госпиталя, в которой сообщил о произошедшем. Затем он приказал солдатам отвести священника в госпиталь. Прочитав записку, начальник госпиталя сказал: «Принесите скамью и дайте его преподобию двадцать пять ударов кнутом».

Солдаты взяли его преподобие за руки и за ноги и ничком положили на скамью. Подошел капрал, поцеловал ему руку, как того требует обычай, дал ему положенное количество ударов кнутом, снова поцеловал руку и разрешил убираться восвояси.

LXXIII

Императрица Екатерина всегда причащалась, но, будучи главой Церкви, она брала от священника золотую ложку, ею брала освященную частицу, смоченную драгоценной кровью, как полагается по русскому обычаю, и причащалась сама.⁴⁶ Что касается императора Александра, то он никогда не отваживался подражать своей бабушке. Бог даровал ему добрую, честную и от рождения религиозную душу. Простое здравомыслие давало ему понять, что это было бы профанацией. Кроме того, Бог благоволил, чтобы он увидел и исправил заблуждения своей юности.

LXXIV

Вся армия, генералы, офицеры, солдаты — все всегда причащаются. Назначается день какой-либо Постной недели (также, как день проведения парада), в который первый и второй полковые батальоны пойдут в церковь (два раза в день), в парадной форме, но без оружия, с офицерами во главе. В день принятия исповеди их разделяют на группы по тридцать человек в каждой. Встав перед такой группой, священник восклицает:

— Во время поста вы вместо елея смазывали себе голову обычным маслом, а также совершали много других грехов.

— Господи, помилуй! — раздается в ответ, после чего священник произносит формулу отпущения, затем подходит вторая группа, потом третья и т. д., а на следующий день совершается общее причащение. За исповедь и причащение солдаты ничего не

платят священнику, но все остальные должны платить. Один из наших слуг был на исповеди; а потом кто-то из наших пансионеров спросил его:

— Завтра мы идем причащаться, ты пойдешь с нами?

— Я не могу, — ответил он.

— Почему?

— У меня только рубль, поп сказал, что его я должен ему за исповедь, а еще один рубль за причащение, но у меня нет больше денег.

— Ну что ж, тогда ты с нами не пойдешь.

LXXV

Сами русские священники, по-видимому, не испытывают большого почтения к Святым Дарам.

Время от времени к иезуиту о. Анджолини, духовно окормлявшему итальянцев Петербурга, приходил в гости один русский священник. Однажды зимой он пришел к нему в шубе, подбитых мехом сапогах, которые были надеты поверх других, и в медвежьей шапке, как и принято в этой стране. В передней он оставил все это убранство и вошел в кабинет к о. Анджолини. Когда визит завершился, он снова надел все это на себя, но позабыл меховые сапоги. Через некоторое время о. Анджолини вышел в переднюю и увидел эти сапоги, стоявшие в углу. Он осмотрел их и в одном сапоге обнаружил свиток. Это была большая русская епитрахиль с карманом, в котором он увидел Святые Дары: вероятно, священник нес их како-

му-нибудь больному или от него. О. Анджелини был сильно озадачен. Что делать? Он нашел для епитрахили более достойное место, а вечером, когда его гость пришел за своими сапогами, он сделал ему наставление, которое тот воспринял со смехом.

— Я совсем не хотел идти к вам в епитрахили», — сказал он. (Надо отметить, что она напоминает монашеское одеяние кармелитов, но ниспадает только спереди, а сверху имеет отверстие, через которое ее и надевают.)

— Я свернул ее и положил в сапоги, а потом и забыл об этом.

— Но ведь там лежали Святые Дары.

— Ну да, так что ж из того? Всего доброго.

LXXVI

...Графиня П. Головина⁴⁷, впоследствии мадам Фредро. Ее муж был адъютантом императора, а по национальности — поляком. Она отказалась от всех других предложений, желая выйти замуж только за католика. Она открылась в этом императору, и именно он призывал графа Головина согласиться на этот брак, но тот отказал, потому что господин Фредро был весьма небогат и к тому же был поляком. Младшая сестра мадам Фредро была более счастлива. Ее руки попросил граф Лев Потоцкий⁴⁸, имевший великолепное состояние, и хотя он был поляком и католиком, граф Головин отдал за него свою дочь. Когда оба брака были заключены, граф умер. Все думали, что он очень богат, но на самом деле он оставил после себя больше долгов, чем имущества. Имущество было продано. Тем не менее Александр решил, что он не погрешит про-

тив справедливости, если возьмет из оставшегося три тысячи крестьян вместе с землями, к которым они были прикреплены (потому что в России запрещено продавать их отдельно, т. е. без земли), и даст каждой из сестер половину, чтобы возместить им и их мужьям понесенный ущерб, ибо все, даже граф Головин, действовали с добрыми намерениями. Впрочем, кредиторы ничего не потеряли, потому что по обычаю они требовали от графа чрезмерную ипотеку.

Я сказал «по обычаю», потому что кредиторы по опыту знали, что суды умудряются по тридцать-пятьдесят лет что-то иметь от спорного имущества, стараясь ничего не упустить. Император, так сказать, оказал им услугу, а также и двум упомянутым сестрам, сократив судебные процессы.

LXXVII

Порочное правосудие — почти неизлечимая болезнь России. Это хорошо понимал Павел I, и это одна из причин, приведшая к его убийству. Слишком многие заинтересованы в том, чтобы правосудие было именно таким, каково оно есть: должникам это надо для того, чтобы не платить свои долги, судам — для того, чтобы иметь с этого какую-то выгоду, чтобы с этого жить и давать жить своим судейским чиновникам, которые все без исключения получают весьма небольшое жалование от государства. Более того, в этой стране не считается постыдным воровать таким или каким-либо иным образом. Аббат Фромен из Амьена воспитывал детей госпожи Давыдовой, и она, беседа с ним, однажды сказала:

— В первые годы нашего замужества мы жили очень бедно, до тех пор, пока не умерли родственники мужа и мои.

— Но как же вам все-таки удавалось находить средства к существованию?

— Мой муж был полковником, и мы просто воровали.

— Воровали?

— Да, все так делают.

LXXVIII

Господин де Кристин, секретарь русского посольства в Париже в ту пору, когда послом был Марков⁴⁹, часто, находясь в Петербурге, ходил к одной придворной даме, княгине, где всегда встречал ее отца. Этот старый господин подружился с де Кристином и в беседах с ним то и дело рассказывал о своих злоключениях. Де Кристин не все знал о том, как тому приходилось жить. Наконец, старик однажды сказал, что его собеседник весьма сочувственно относится к его злоключениям, но что он не знает некоторых подробностей: «Как, Вы не знаете? Ведь я воровал. Я был суперинтендантом, отвечавшим за хранение имущества, и однажды взял орден, украшенный бриллиантами, который принадлежал императрице Анне. Дело раскрылось, и императрица Екатерина сослала меня в Ригу, где я прожил тридцать

лет, имея возможность путешествовать, но не имея права посещать обе столицы. Наконец, Павел милостиво позволил мне вернуться».⁵⁰

LXXIX

Что касается продолжительности судебных тяжб, то здесь надо сказать, что, например, коллегия нашего ордена в Могилеве имела тяжбу, которая длилась сто тридцать лет. Речь шла о земле, которую незаконно захватил один польский помещик. Когда пришло время выносить судебное решение, противоположная сторона подкупила судей, и они стали затягивать процесс на три года, десять лет, двадцать лет и т. д. О. Дезире Ришардо, который впоследствии стал провинциалом ордена во Франции, в 1818 г. занимал должность ректора Могилевской коллегии; он изучил дело и пришел к убеждению, что законы или указы говорили в нашу пользу. Он написал об этом министру, князю Александру Голицыну, а также послал ему доказательства нашей правоты. В ответ он получил гневное письмо министра, который писал: «Какая дерзость, будучи

обычным частным лицом, толковать указы империи! Тем самым вы навлекаете на себя наказание, предусмотренное законами...» Понятно, что после этого у о. Ришардо пропало желание на чем-либо настаивать. Через два года иезуиты были изгнаны из России, а их имущество было передано российскому правительству. Я не удивлюсь, если узнаю (и хотел бы узнать), что с тяжбой, затеянной сто тридцать лет назад, покончили в считанные месяцы в пользу правительства.

LXXX

А вот история о том, как один белорусский еврей помог великому князю Константину, брату Александра, составить достаточно верное представление о правосудии в России. Князь инспектировал войска, расквартированные в этом краю, и однажды, совершая конную прогулку в сопровождении адъютанта, увидел на улице еврея, которого узнал по его одежде, издалека не сильно отличавшейся от одеяния польских иезуитов, хотя вблизи их не трудно различить.

— Видите этого еврея? — спросил он своего адъютанта. — Сейчас я нагоню на него страху.

Сказав это, он громко и хрипло закричал:

— А ну прочь с дороги, мошенник, твой народ распял моего Спасителя!

— Совершенно верно, — крикнул в ответ еврей, отпрыгивая в сторону, — но верно и то, что судебный процесс длился менее суток, но если бы его судили в России, суд длился бы до сих пор!

Продолжая путь, великий князь со смехом рассуждал о той великой истине, которая заключалась в этом ответе.

LXXXI

Однажды княгиня Голицына⁵¹, дочь которой является членом общества Святого Сердца в Риме, получила уведомление о долге ее мужа⁵², умершего десять лет назад: в присланном платежном распоряжении была подпись самого покойного князя Алексея Голицына. Надо, однако, сказать, что в России так много князей Голицыных, что из них можно было бы составить такой же многочисленный полк, как из Фабиев в Древнем Риме. Княгиня тотчас же поняла, что это ошибка, и отправила письмо губернатору города Смоленска, в котором сообщала, что присланный вексель подписан не ее мужем, а каким-то другим князем Алексеем Голицыным. Прошло некоторое время, и она получила письмо от своего управляющего, который сообщал ей, что на ее имение Алексияновку наложен арест, и что для обеспечения этого ареста суд временно отправил

туда полдюжины понятых, которые расположились в имении со своими женами, детьми, слугами и лошадьми и живут там в свое удовольствие. В этой стране еще сохраняется обычай проявлять гостеприимство и кормить голодных судейских чиновников, которые, пользуясь этим, спешат грабить крестьян и опустошать подвалы и амбары. Княгиня посылает губернатору еще одно, более резкое письмо, и он отвечает ей, что делает все возможное, ведя переговоры с представителями суда, однако только по истечении седьмого месяца было сделано заявление о том, что должником действительно оказался другой князь Алексей Голицын, и что понадобится еще пять месяцев для того, чтобы все чиновники покинули Алексияновку. Тем не менее цель была достигнута: вершители правосудия жили за чужой счет целый год. Быть может, потом тот же самый вексель послали еще какому-нибудь князю Алексею Голицыну, чтобы другие пройдохи смогли поправить свои дела.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Речь идет о царе Алексее, отце Петра I, который низложил патриарха Никона в 1667 г. Говоря о том, что последний совершил «тяжкие ошибки», де Местр повторяет то, что он слышал в своем окружении. Он говорил бы совсем другое, если бы узнал, что Никон не поддавался нападкам своих врагов, продолжая отстаивать права и свободу Церкви. Порабощение русской Церкви началось со времени осуждения Никона. Подробнее об этом см.: *W. Palmer. The Patriarch and the tsar. Londres, Trubner, 1871* (и последующие годы). Шесть томов уже опубликованы и ожидается выход остальных.

² Святейший синод представлял собой нечто единственное в своем роде и формировался так, как было угодно императору. На сегодняшний день он состоит из трех архиепископов и трех архимандритов. (Примечания графа де Местра).

³ Никоим образом не доказано, что Павел I на самом деле хотел совершить богослужение: он заявлял, что собирается это сделать, но, как говорят, тем самым только хотел посмотреть, как к этому отнесется русское духовенство. См. ниже анекдоты, собранные Гривелем.

Интересно сравнить две точки зрения на Священный синод и роль обер-прокурора в нем: графа де Местра и одного русского, который не имел никакого

представления о публикуемых нами заметках и по многим вопросам сильно расходился со взглядами графа. Тем не менее между известным христианским философом и декабристом* Фонвизиним существует разительное сходство в языке.

О Синоде и том состоянии зависимости, в котором русская Церковь оказалась лицом к лицу с властью, см. следующие работы: *Tondini C.* (монах ордена варнавитов): *Règlement ecclésiastique de Pierre le Grand.* Paris, 1874 (книга содержит введение и комментарии); *Tondini C.* *L'avenir de l'Eglise russe.* Paris, 1874; *Tondini C.* *Le pape de Rome et les papes de l'Eglise orthodoxe d'Orient.* Paris, 1876; *Gagarin J.* *Le clergé russe.* Bruxelles, 1871.

В соответствии с органическим законом восшествия на престол Павел I формально отмечал, что в России государь является *также главой* Церкви. См.: *Tondini C.* *Le pape de Rome et les papes de l'Eglise orthodoxe d'Orient.* Paris, 1876. P. 125—126.

⁴ На самом деле русская Церковь соблюдает четыре, а не три поста: Великий пост или пост в собственном смысле слова, предворяющий праздник Пасхи; Рождественский пост, предворяющий празднование Рождества; пятнадцать дней воздержания, предворяющие празднование Успения; более или менее продолжительное время воздержания между восьмидневной Пятидесятницей и празднованием в честь св. Петра, князя апостолов. Отсюда, кстати, следует, что русская Церковь считает празднование в честь св. Петра более значимым, чем праздники в

---

* Декабристами в России называют людей, которые по политическим соображениям приняли участие в восстании 14 (26) декабря 1825 г. и были за это осуждены.

честь других апостолов, и что этот праздник по своей значимости превосходят только Пасха, Рождество и Успение.

⁵ Перу М. А. Васильчикова принадлежат два очень интересных тома его «Русских портретов», в которых можно отыскать случай, подтверждающий слова графа де Местра. Любовник Екатерины II граф Григорий Орлов женился на девице Зиновьевой, его двоюродной сестре. Поскольку по причинам, так хорошо изложенным де Местром, дозволения на заключение этого брака не было, он оставался недействительным. Однако Орлов нашел весьма привлекательным свое решение взять в жены сестру. Что же было предпринято? Послушаем М. Васильчикова: «Поначалу Священный Синод и Сенат не признавали этот брак, но Екатерина произвела графиню во фрейлины, даровала ей ленту св. Екатерины и тем самым разрешила все трудности» (Т. II. С. 7).

Кто-то, наверное, еще помнит, как посещал в Париже салон графини Разумовской, которая умерла в 1865 г. в возрасте девяноста трех лет. Она была дочерью князя Вяземского и еще в молодом возрасте вышла замуж за князя Александра Голицына, однако потом воспылала страстью к графу Льву Разумовскому, который похитил ее и объявил своей женой. Сложившаяся ситуация была необычной, однако вскоре в Москву прибыл Александр I и, поддавшись настоятельным просьбам старого фельдмаршала Гудовича, женатого на сестре графа Льва Разумовского, однажды на балу, на котором присутствовал весь высший свет города, громко сказав, обращаясь к молодой женщине: «*Госпожа графиня*, окажите мне честь разделить с вами этот полонез». В результате упомянутый танец положил конец первому браку и сделал действительным второй. См.: Русские архивы. 1875. Т. III. С. 448.

⁶ Под словом «души», принятом в подсчетах, женщины не подразумеваются, и как будто бы получается, что у них вовсе нет души. (Примечание де Местра).

⁷ Здесь речь идет о том, что духовенство образует некую наследственную касту. Сегодня это упразднено в принципе, но продолжает существовать на практике.

⁸ В 1870 г. белое духовенство (включая священников, дьяконов, ризничих и церковных сторожей) составляло 107 924 человека. Если добавить число жен и детей, то получается 615 331 человек. Из этого общего числа следовало бы вычесть представителей других вероисповеданий, однако их количество незначительно.

Из альманаха М. Суворина за 1876 и 1878 гг. мы заимствуем некоторые цифры, не лишённые интереса в сравнении с теми, которые приводит граф де Местр.

	1872 г.	1874 г.
Епархии	—	56
Епископы	96	96
Мужские монастыри	345	350
Архиерейские дома	60	53
Монахи	4 972	5 689
Послушники	4 479	4 810
Женские монастыри	146	143
Монахини	3 419	3 587
Послушницы	11 587	11 371
Приходы	31 616	29 125
Церкви и часовни	39 068	39 153
Священники	41 310	36 869
Дьяконы	14 426	10 848
Ризничие, сторожа и пр.	63 765	51 171

Примечательно, что число черного духовенства увеличивается, тогда как число белого духовенства ощутимо сокращается.

⁹ Довольно трудно точно определить, какова общая сумма дохода, получаемого русским духовенством. Мы попытались это сделать в книге «Русское духовенство».

Приведем некоторые данные, взятые нами из уже упомянутого альманаха Суворина за 1878 г. Синод обходится государственному бюджету в 10 445 442 рубля. Кроме того, различные министерства отчисляют на отправление православного культа и содержание православного духовенства 1 985 335 рублей. Таким образом, в целом русская православная Церковь обходится государству в 12 430 777 рублей, т. е. значительно дороже, чем в 1806 г., когда расходы на нее составляли 1 400 000 рублей. Синод обладает капиталом, который в 1877 г. составлял 26 385 267 рублей; кроме того, существуют прочие доходы, которые невозможно подсчитать, но которые составили дополнительный доход синода в сумме 5 075 291 рубль (в дополнение к той сумме, которая была ему выделена из государственной казны). Таким образом, общая сумма на годовое содержание русского духовенства составила 17 506 068 рублей.

Приведем список пожертвований и добровольных дааний, предоставленных Церкви:

1869	—	9 073 333
1870	—	9 668 517
1871	—	10 143 154
1872	—	10 680 968
1873	—	10 728 546
1874	—	11 471 836
1875	—	11 278 111

Перечисленные цифры отражают только те суммы, которые сосредоточиваются в Синоде. Если принять в расчет все, что получает черное и белое духовенство, общая сумма окажется гораздо большей.

¹⁰ До 1812 г. в императоре Александре нельзя было заметить каких-либо признаков христианских убеждений.

¹¹ Речь идет о графе Родольфе де Местре, который в ту пору был кавалергардом.

¹² Для выполнения своих религиозных обязанностей.

¹³ Действенность такого крещения вызывает сильные сомнения.

¹⁴ Граф Сергей Румянцев, родившийся 17 марта 1755 г. и умерший 24 января 1838 г., был третьим сыном известного фельдмаршала, графа Румянцева-Задунайского.

¹⁵ В газете «Голос» от 16 февраля 1874 г. читаем: «Бедный чиновник М. В. П. пишет нам о том, что его жена, уже долгое время болевшая, после полуночи 11 января почувствовала себя хуже. Он послал за священником, умоляя его прийти и причастить больную, над которой нависла угроза смерти. «Я уже не раз причащал ее и туда не пойду: пусть умирает как есть», — ответил тот.

О таком же поступке сообщает и другой номер «Голоса», от 25 августа 1877 г. (См.: № 19. С. 3, колонка 4.)

¹⁶ Княгиня А. Голицына, урожденная Протасова, была одной из первых русских дам, принявших католицизм в начале этого века. (См. ее переписку с госпожой Свечиной.)

¹⁷ Речь идет о графе Алексее Разумовском (1748—1822), занимавшем пост канцлера и министра

народного просвещения. Он известен своей любовью к изящной словесности и изысканиями в области истории.

¹⁸ Архиепископа Московского, о котором идет речь, звали Платоном. Сообщаемое графом де Местром не совсем точно. Платон рукополагал не священников-раскольников, а священников-единоверцев, т. е. тех, кто, продолжая соблюдать староверческие обряды, признавал власть русских епископов и Синода. Староверы, единоверцы и официальная Церковь относятся друг к другу примерно так, как относятся греки-схизматики, греки-униаты и католики. Греки-униаты соблюдают те же обряды, что и греки-схизматики, но в догматике едины с католиками и признают авторитет папы, главы Церкви. Единоверцы соблюдают те же обряды, что и староверы, но признают авторитет Синода и, следовательно, от официальной Церкви их не отъединяет никакой раскол.

¹⁹ Речь, вне всякого сомнения, идет о графе Николае Салтыкове, на которого Екатерина II возложила воспитание будущего императора Александра I, который в 1812 г. возглавлял Государственный совет и кабинет министров и который, наконец, в отсутствие императора во время войны 1813—1814 гг. стоял во главе правительства. В 1814 г. получил титул князя.

²⁰ Это на самом деле был прекрасный способ заполучить благоволение правителя: говорить ему о соединении Церквей.

²¹ Дмитрий Татищев (1767—1845), посол в Мадриде, затем в Вене; впоследствии обер-камергер.

²² Граф Петр Толстой (1769—1844), человек большой прямоты и благородства. Был послом России в Париже при Наполеоне I. Выполнив ряд самых высоких поручений, почил в звании полного кавалера всех российских отличий.

²³ Упомянутый аббат Голицын является князем Дмитрием Голицыным, сыном князя Дмитрия Алексеевича, друга Гельвеция и Дидро, а также известной княгини Амелии, урожденной графини Шметтау, ревностной католички. Дмитрий Голицын родился 3 декабря 1770 г. и умер в 1840 г. в Америке. Желаящие узнать о нем подробнее могут обратиться к следующей литературе: *Prince Augustin Galitzin. Un missionnaire russe en Amérique.* Paris, 1856; *Prince Augustin Galitzin. Un missionnaire russe.* Paris, 1859; *Heinrich Lemcke O. S. B. Leben und Wirken des Prinzen Démétrius Augustin Galitzin.* Muenster, 1861; *Heyden Thomas. A memoir on the life and character of the rev. Prince Demetrius A. de Gallitzin, apostle of the Alleghanies Baltimore.* Murphy, 1869; *Brownson Sarah. Life of Demetrius Augustine Gallitzin, prince and priest.* New-York, 1873.

Кроме того, некоторые сведения о Голицыне можно найти в сочинениях, посвященных его матери княгине Амелии: *Katerkamp Theodor. Denkwuerdigkeiten aus dem Leben der Fuerstinn Amalia von Gallitzin.* Muenster, 1839; *Briefwechsel und Tagebuecher der Fuerstinn Amalie von Gallitzin.* Muenster, 1874.

Надо отметить, что мать Голицына была католичкой, но сам он был обращенным. Он не был крещен в католичество, не был воспитан в католической вере; он постиг ее в зрелом возрасте.

Княгиня В. Голицына, урожденная графиня Чернышева, умерла в 1837 г., дожив почти до девяноста семи лет. В петербургском высшем свете она занимала одно из первых мест.

Камергер граф Головкин играл важную роль во время правления Петра I. Он оставил трех сынов: Ивана, Александра и Михаила. Последний пользовался наибольшим влиянием во время регентства Анны Брунсвик; он был вице-канцлером, кавалером ордена

св. Андрея, однако после переворота, возведшего на престол Елизавету, он был лишен всех званий и владений и сослан в Сибирь, где и умер. Его брат Александр, который в ту пору был русским министром в Голландии, после этого успел побывать в таком же качестве при берлинском и версальском дворах, но весьма остерегался возвращаться в Россию, предпочитая смотреть издалека, как конфискуют его несметные владения. Он женился на графине Дона, а его четверо сынов, воспитанных в протестантской религии, проживали в Голландии; один из них был адъютантом последнего Статхоудера, два других в Голландии и женились. Взойдя на престол, Екатерина II дала им знать, что они могут вернуться в Россию без всяких опасений, что им возвратят все, что было у них отнято, и что они совершенно свободно смогут исповедовать протестантизм. Сыновья графа Александра не решились оставить Голландию, но приняли предложение императрицы для своих детей. Граф Федор был одним из этих внуков графа Александра, вернувшихся в Россию.

²⁴ Мало знают об этом историческом факте, который подробно изложен в первом томе «Анналов», см.: *Annales philosophiques morales*. Paris, 1800. (Примечание графа де Местра.)

Об этом гораздо лучше рассказано в книге, от которой этого почти не ожидаешь, а именно в сочинении Бурсье, доктора Сорбонны, озаглавленном как «Action de Dieu sur les créatures». Замыслу объединения Церкви в России там посвящено 259 страниц (с приложением официальных документов): со страницы 275 по 534. См. сентябрьский номер *Etudes religieuses* за 1868 г.

См. об этом также «Мемуары» Сен-Симона, в частности его беседы с князем Куракиным, имевшие место в 1717 г.

²⁵ См.: Русские архивы за 1876 г. Т. III. С. 266.

²⁶ 18/30 сентября 1806 г. вышел указ о формировании ополчения численностью в восемь тысяч человек, которое должно было начаться в ноябре и закончиться в январе. 12/24 декабря вышел другой указ, предписывавший формирование ополчения численностью шестьсот двенадцать тысяч человек.

Мы не знаем, о каком младшем офицере идет речь, знаем только, что в это время графа Кочубея часто замещал Сперанский. См.: *Mémoires politiques et correspondance diplomatique de Joseph de Maistre*. Paris, 1858. P. 305—306.

²⁷ Одна из приведенных цифр неверна, но, не зная, какая именно, мы не беремся ничего исправлять.

²⁸ Князь Александр Белосельский и де Лаваль взяли в жены сестер Козицких. От первого брака князь Белосельский имел сына, умершего в молодом возрасте, и троих дочерей: Магдалину, Зинаиду и Наталью. Первая вышла замуж за Власова, вторая — за князя Волконского; обе умерли католичками.

²⁹ Граф Алексей Васильев умер 15/27 августа 1807 г. Граф Гурьев был назначен министром финансов в 1809 г.

³⁰ Все эти анекдоты были переписаны мною с рукописи графа Жозефа де Местра, каковая хранится в замке Бомениль у графа Шарля де Местра, внука графа Жозефа, который любезно позволил мне их опубликовать.

³¹ Относительно замысла Павла I завоевать Индию см.: *Mémoire de Leibnitz à Louis XIV sur la conquête de l'Égypte* (предисловие и примечания Гофмана; здесь повествуется о замысле послать наземную экспедицию в Индию, который был разработан

Первым консулом и императором Павлом. Тот же отрывок воспроизводит и Дюбуа де Жансиньи в томе, посвященном Индии, см.: *Univers pittoresque* Ф. Дидо. См.: также *Mémoires posthumes du compte se Steding*. Paris, 1845. Т. II. Р. 6—7.

Тридцать пять тысяч французов должны были перейти через Дунай и Черное море и соединиться с тридцатью пятью тысячами русских в Астрахани, сформировав армию в семьдесят тысяч человек под командованием Андре Массена. Предполагалось высадиться в Астерабаде и оттуда через сорок пять или пятьдесят дней через Герат и Кандагар выйти к берегам Инда. Все это было лишь замыслом, который никогда так и не начал осуществляться, однако в начале 1801 г. Павел послал письменный приказ атаману донских казаков Орлову, повелевая ему идти в Индию. Орлов отправился в путь, однако смерть Павла положила конец всему замыслу. Письма Павла, датированные январем и февралем 1801 г., опубликованы в Русской старине. См.: Русская старина. 1873. Т. VIII. С. 409—410.

³² Жан-Луи де Лессег де Розавен (9 марта 1772 г., Кимпер — 2 апреля 1857 г., Рим).

³³ Гаэтано Анджолини родился 27 ноября 1745 г. в Плезансе, в 1765 г. стал послушником ордена; после запрещения ордена в 1773 г. переехал в Белоруссию, где орден продолжал существовать. В 1805 г. был назначен провинциалом Сицилии; умер в Риме 17 ноября 1816 г.

³⁴ Платон Левшин был монахом, который по повелению Екатерины II проводил катехизацию великого князя Павла и обучал его латыни. Позднее эти уроки катехизации были опубликованы на русском, латинском, немецком, французском, английском и голландском языках. Позднее был назначен архимандритом

Троицкой лавры, затем архиепископом Тверским и, наконец, митрополитом Московским. Умер в 1812 г.

³⁵ Платон имел сан архимандрита Троицкой лавры, в 1770 г. стал архиепископом Тверским, а в 1755 г. был переведен в Москву.

³⁶ Речь идет о князе Александре Николаевиче Голицыне (1773—1844).

³⁷ Торжественное открытие состоялось 10/22 июня 1812 г.

³⁸ Фаддей Брзозовский родился в Варми 21 октября 1749 г., 2 сентября 1805 г. был избран генералом ордена, умер в Полоцке 5 февраля 1820 г.

³⁹ Филарет Дроздов, архимандрит; в 1817 г. был назначен епископом Ревельским, в 1819 г. — архиепископом Тверским, в 1820 г. переведен в Ярославль; в 1821 г. — в Москву, в 1826 г. получает сан митрополита Московского. Скончался 19 ноября (1 декабря) 1867 г. Некоторые его сочинения, в том числе проповеди, переведены на другие языки.

⁴⁰ Князь Александр Голицын был в восторге от того, в какой манере один семинарист, обучавшийся у Филарета, на экзамене рассказал историю Авраама. Эту глупость он поведал о Розавену. (Примечание о Гривеля).

⁴¹ Граф Александр Толстой, старший сын графа Николая, фельдмаршала при дворе императора Александра, и графини Анны, урожденной княгини Барятинской. Мать, сестра и младший брат Иммануил приняли католичество.

⁴² Граф Аркадий Марков был человеком большого ума, но недостаточно оцененный. Был российским посланником в Гааге, Стокгольме и Берлине; приобрел подлинное влияние после того как Екатерина II на закате жизни сделала своим любовником Платона Зу-

бова, вскоре наделенного властью, превышавшей ту, которой некогда пользовался Потемкин. Двадцати двух лет от роду, не имея никакого опыта и обладая весьма средними способностями, он вскоре ощутил необходимость иметь под рукой человека, который мог бы дать ему нужный совет и просветить в тех вещах, о которых он не имел никакого представления. Выбор пал на Маркова. Именно эти два человека, Платон Зубов и Аркадий Марков, приняли самое деятельное участие во втором и третьем разделе Польши. Впавший в немилость при Павле I, Марков возвысился при Александре I, который направил его в Париж в качестве посла при Первом консуле. Однако вскоре он был отодвинут на второй план и больше не смог выдвинуться в первые ряды.

⁴³ Что касается наложения епитимьи, то русские священники налагают ее только на крепостных.

⁴⁴ Для подтверждения того, что рассказал о. Гривель, приведем еще одну историю, которую мы услышали от хорошо осведомленных людей. Д. Г. Б., который умер в 1870 г. в преклонном возрасте в звании главнокомандующего, причащался каждый год. Однажды накануне причащения он позвал к себе приходского священника, и когда тот пришел, генерал, отобедав, играл в вист. В салон вошел священник, и генерал, не переставая играть, протянул ему несколько рублей со словами: «Батюшка, те же грехи и те же деньги».

Мы уже публиковали этот анекдот о. Гривеля вместе с примечаниями в *Contemporain* 1 января 1878 г. (№ 42).

⁴⁵ Лонгин Кутузов родился в 1769 г. и скончался в 1856 г.

⁴⁶ В анекдотах, собранных в Санкт-Петербурге графом Жозефом де Местром, читаем: «Иногда Екате-

рина II приглашала своих придворных причаститься вместе с нею, как приглашала на бал. Однажды один из этих господ не пожелал прийти. Екатерина послала ему записку, в которой она настаивала на его приходе, говоря: «Неужели вы полагаете, что у меня бургундское не такое хорошее, как в других местах?»

(Рассказано в апреле 1818 г. сыном того дворянина, видевшим записку, полученную отцом. См.: *Etudes*, Т. II. Р. 546.)

⁴⁷ Граф Николай Голицын, главный виночерпий, женился на княгине Варваре Голицыной, которая, как и две ее дочери, приняла католичество. Графиня Фредро и графиня Л. Потоцкая долгое время жили в Париже и несколько лет назад скончались. Сын графини Фредро умер в сане викария в Сен-Филипп дю Руль.

⁴⁸ Граф Лев Потоцкий, бывший российский посланник в Неаполе, сын графа Северина, оставил двоих дочерей: первым мужем графини Леонии был граф Казимир Ланкоронский, вторым — граф Д'Экстедт; супругом второй дочери, графини Анны, был граф Андрей Мнишек.

⁴⁹ См.: «Швейцарец на службе у русского» в январском номере *Contemporain* за 1878 г.

⁵⁰ Граф де ла Гард (см.: *Fêtes et souvenirs du Congrès de Vienne. Bruxelles, 1843. T. V. P. 23*) рассказывает историю, которая вполне может оказаться той же самой.

«Посмотрите, — продолжал князь Козловский, — на эту молодую женщину, так безыскусно наряженную в платье калабрийской крестьянки. Быть может, она вспомнила о том, во сколько в свое время порыв тщеславия обошелся ее матери. Эта мать, которая была немного связана с моей семьей, на себе ощутила, что иногда императорская диадема жестоко ранит

лоб, даже если политика никак не связана с таким опытом».

Дама была миловидной, а история обещала оказаться пикантной. Я попросил моего остроумного собеседника рассказать мне ее. И вот что он поведал:

«Однажды императрица Екатерина пожелала навести порядок среди множества всяческих драгоценностей, сложенных в сундуки, которые со времен царствования Петра I скрывали сокровища, почти неведомые обитателям дворца. Опасаясь возможной кражи во время этого общего осмотра, императрица назначила двух гвардейских капитанов наблюдать за работой. Одним из них был отец этой миловидной дамы. Вид всех этих богатств так ослепил обоих капитанов и вскружил им голову, что они пришли к пагубной мысли совершить кражу. Они сговорились похитить некую часть этих сокровищ, надеясь, что недостаток останется незамеченным. Совершив кражу, они поделили преступную добычу между собой. Тот, кому достался жемчуг, поспешил с доверенным человеком отправить его в Амстердам. Там этот жемчуг был тайком продан, а полученные деньги капитан потратил на выкуп земель, в свое время заложенных его семьей, причем их наследником он сразу сделал своего сына. Другой, которому достались бриллианты, ждал весны, чтобы отправиться в Англию, где, как ему казалось, он сам управится с продажей лучше, чем какой-нибудь агент.

Среди украденного была диадема, стоимость которой превышала сто тысяч рублей. Все драгоценности он заботливо спрятал в самом дальнем углу своей квартиры, но, как известно, рок всегда следует за преступлением: однажды его жена обнаружила тайник. Напрасно муж клялся ей, что диадема ему не принадлежит, что он просто хранит чужое, что его об этом попросили. Она умоляла, чтобы он просто по-

зволил ей надеть это украшение на придворный бал, причем совсем ненадолго. Он сопротивлялся, но она не отставала от него, умоляла и плакала так, что, в конце концов, капитан, безумно любивший свою жену, к несчастью, уступил ей, надеясь, что эту драгоценность, не видевшую белого света, наверное, лет сто, никто из нового поколения просто не узнает.

И вот молодая женщина, не чувствуящая, что эта диадема жжет ей лоб, прибывает на бал в Эрмитаж. Представьте, какие взоры восхищения и зависти бросают на нее окружающие, увидев столь чудесное украшение. До поры до времени все идет хорошо, но вот в самый разгар триумфа старая мадмуазель Протасова ((1746—1826), фрейлина, ставшая графиней в 1801 г.), стоявшая за креслом императрицы и слышавшая, как та тоже восхищается сверканием бриллиантов, наклоняется и говорит ей на ухо: «Ваше Величество, надо ли так сильно удивляться? Эта диадема принадлежала вашей тетушке-императрице: я раз двадцать видела, как она ее надевала».

Эти слова насторожили Екатерину: она встает, подходит к молодой особе, которая, упоенная своим триумфом, подобно Сендрийону, уже успела позабыть о своем обещании не носить украшение слишком долго.

«Позвольте узнать, мадам, — говорит ей императрица, — у какого ювелира вы приобрели эти прекрасные камни?»

Смутившись, молодая женщина называет первое пришедшее на ум имя. Императрица, поговорив еще немного, оставляет ее, и бедная женщина продолжает танцевать, украшенная злосчастной диадемой, которая становится страшнее Дамоклова меча. Императрица тотчас посылает адъютанта узнать у названного ювелира, когда и для кого он изготовил эту диадему. Ювелир говорит, что впервые об этом

слышит, и такой ответ немедленно становится известным во дворце. Императрица снова обращается к женщине, утратившей всякую осторожность:

«Вы играете со мной, мадам, — говорит она и со всей строгостью добавляет, — ваш ювелир сказал, что не продавал вам этой диадемы. Я решительно настаиваю на том, чтобы вы сказали мне, откуда она у вас взялась».

Озадаченная женщина начинает что-то бормотать, и тогда подозрения Екатерины перерастают в полную уверенность. Она тут же отдает приказ арестовать двух неверных инспекторов. Обоих судили и, признав виновными, отправили в Сибирь, но странное дело: тот, кто продал в Голландии жемчуг и описал состояние на имя своего сына, ничего не утратил, тогда как бриллианты, найденные в доме другого, были самым тщательным образом возвращены в казну. Когда после нескольких лет отбывания наказания императрица смилостивилась над ними двумя, первый, наверное, подумал, что легко отделался, а второй, должно быть, непрестанно проклинал свою безрассудную уступчивость, которая стоила ему имени и будущего. Что касается той молодой особы, то она слишком дорого заплатила за блеск тщеславия и за удовольствие на какой-то миг раздавить своих соперниц».

⁵¹ Урожденная Протасова, умершая 28 октября (11 ноября) 1842 г.

⁵² Князь Алексей скончался 30 марта (11 апреля) 1800 г.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В. Курбатов. Нечаянный урок . . . . .</i>	5
Религия и нравы русских	17
Предисловие французского издателя	19
Часть первая. Анекдоты, собранные графом Жозефом де Местром	21
Часть вторая. Анекдоты о. Гривеля	119
Примечания	167

Жозеф де Местр
РЕЛИГИЯ И ПРАВЫ РУССКИХ

**Анекдоты, собранные
графом Жозефом де Местром
и о. Гривелем**

*Утверждено к печати
редколлекцией серии «ПОЛИΣ»*

Редактор *А. В. Заикина*
Верстка *С. Арефьев*

Подписано к печати 29.04.10. Формат 70×100 $\frac{1}{32}$
Бумага офсетная. Гарнитура «Антиква».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 7.5.
Уч. изд. л. 4.2.
Тип. зак. № 3408

Издательство «Владимир Даль»
193036, Санкт-Петербург, ул. 7-я Советская, 19.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП «Типография „Наука“»
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия, 12

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВЛАДИМИР ДАЛЬ»
ГОТОВИТ К ВЫПУСКУ**

Мартин Хайдеггер и Евгений Финк

ГЕРАКЛИТ

Издательство «Владимир Даль» предлагает вниманию отечественных читателей первый русский перевод отредактированного скорописного текста, представляющего собой запись семинара о Гераклите, который под руководством Мартина Хайдеггера и при участии его ученика Евгения Финка состоялся в университете Фрайбурга (Брайсгау) в зимнем семестре 1966/67 гг.

Уникальная стенограмма охватывает тринадцать аудиторных занятий, в ходе которых тексты Гераклита рассматривались в форме вопросов и ответов, перемежаемых рассуждениями Хайдеггера и Финка, задававшими направление и цели дальнейшего пути. В замысле публикуемого семинара Хайдеггер вновь обращается к своему излюбленному и принесшему столь весомые плоды материалу — древнегреческой философии, по времени и духу предшествовавшей Сократу. В этом последнем своем фрайбургском курсе автор еще раз призывает отдать должное тому призыву к обретению истины, который раздавался некогда из уст досократиков, а теперь, под бременем переосмысляющих и искажающих сущее философских систем, стал уже едва различим. Этот судьбоносный для человечества разлад, эту и до сих пор угрожающую ему опасность Хайдеггер предлагает встретить с достоинством и пониманием, каковые, по его мнению, можно почерпнуть как раз в обращении к темным, но вещим словам Гераклита.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВЛАДИМИР ДАЛЬ»
ГОТОВИТ К ВЫПУСКУ

Мартин Хайдеггер

ГЕРАКЛИТ

Издание содержит два курса лекций по древнегреческой философии, которые были прочитаны автором в летних семестрах 1943 и 1944 гг. По своей форме оно представляет собой перевод на русский язык 55-го тома Полного собрания сочинений Хайдеггера, выходящего в свет в издательстве Клостерманн.

Публикуемые лекции могут служить основанием для более глубокого прочтения всех остальных философских работ Хайдеггера. Центральным понятием в них, вокруг которых движется вся мысль, является понятие «логоса», а центральной фигурой — фигура Гераклита, в изречениях которого это понятие было впервые применено. В первом курсе лекций речь идет о происхождении, истории западноевропейской метафизики, рассматриваемой на опыте того уникального события, того «начала», в котором человеческое мышление впервые распознает свою сущность в изначальном «при-мысливании», домысливании сущего и сразу же безоглядно погружается в использование этой своей сущности, в освоение окружающего мира. В лекциях 1944 г. исследованию подвергаются два значения привычного ныне термина «логика»: логика как руководство для правильного мышления и как логика самих вещей, самого сущего. Внимание при этом сосредоточивается на лежащей в основе того и другого базовой и изначальной логике «мышления логоса», как оно впервые раскрывается в нелегких для понимания философских высказываниях Гераклита.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВЛАДИМИР ДАЛЬ»
ГОТОВИТ К ВЫПУСКУ

Мартин Хайдеггер

СОФИСТ

Курс лекций, посвященный одному из главных диалогов Платона — «Софисту», — был прочитан Хайдеггером в Марбургском университете в зимнем семестре 1924/25 гг. В объемном томе дан подробный герменевтический и феноменологический анализ фундаментальной проблематики платоновского учения об идеях, требующей, по словам самого Хайдеггера, «от понимания особой вдумчивости и проницательности». Базовые понятия «Софиста» — *бытие и небытие, знание и мнение, истина и видимость* — кажутся слушателю само собой разумеющимися, и он очень легко упускает из виду подлинное их содержание. Хайдеггеровская интерпретация диалога направлена на постоянное удержание того, что изначально подразумевается в этих понятиях, и основывается на выполнении двух условий. Первое из них состоит в прояснении того, как столь своеобразные предметы — бытие и небытие, истина и видимость — вообще впервые появляются перед человеческим взглядом, где их вообще нужно искать, прежде чем начинать обсуждение. И второе: обращаясь к Платону, мы должны переместиться в собственное платоновское прошлое и не вносить в его тексты ничего от нас самих и от нашей собственной Новой эпохи.

Плод скрупулезной работы истолкования (одно лишь развернутое оглавление XIX-го тома хайдеггеровского Gesamtausgabe занимает 25 страниц) стал еще одной вехой на пути возвращения европейской метафизики к своим живым истокам, на пути повторного осмысления ее природы, сущности и финальных целей. Первая публикация одного из основных ранних трудов Хайдеггера на русском языке призвана ввести достигнутый им результат в дискуссионный круг отечественной академической науки.

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВЛАДИМИР ДАЛЬ»
В СЕРИИ «ДНЕВНИКИ XX ВЕКА» ГОТОВИТ
К ВЫПУСКУ ПЕРВЫЙ ПЕРЕВОД КНИГИ**

Эрнст Никиш

**ЖИЗНЬ, НА КОТОРУЮ Я ОТВАЖИЛСЯ.
ВСТРЕЧИ И СОБЫТИЯ**

Эрнст Никиш (1889—1967) принадлежит к числу наиболее значительных фигур не только в политической философии, но и в практической политике Германии в один из наиболее драматических и трагических периодов ее новой истории. Разделяя принципиальные идеи левой, социал-демократической линии, он стал основателем и главным идеологом немецкого национал-большевизма, долгое время представлявшего собой единственную действительную антитезу и альтернативу гитлеровскому национал-социализму. Удивительно уже то, что этому беспощадному и пронизательному аналитику-публицисту, несмотря на репрессии и концлагеря, удалось пережить годы ненавистного режима.

Предлагаемая вниманию читателей книга Никиша является аутентичным документом той роковой для Европы эпохи. Автобиографический жанр образует емкие и органичные рамки для исторического свидетельства, исходящего из первых уст и принадлежащего перу человека, находившегося в самой гуще стремительно развивавшихся событий. В главной своей части это свидетельство охватывает период с 1918 по 1945 гг., с момента провозглашения Германской республики до падения нацистской диктатуры, и может быть отнесено к наиболее ярким, страстным и в то же время исторически правдивым описаниям богатой последствиями и не простой для понимания эпохи.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВЛАДИМИР ДАЛЬ»
В СЕРИИ «ДНЕВНИКИ XX ВЕКА» ГОТОВИТ
К ВЫПУСКУ ПЕРВЫЙ ПЕРЕВОД КНИГИ

Эрнст Никиш

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ

Сборник открывается острым и глубоким теоретико-политическим памфлетом «Гитлер — злой рок Германии» (1931), одной из основных тем которого стало исследование того, каким путем и в силу каких обстоятельств восточно-прусское юнкерство и высшие офицеры рейхсвера решились оказать новоявленному немецкому фюреру решающую поддержку и начали возлагать на него свои политические надежды. Своеобразный эпилог к этой брошюре образует другая работа Никиша — «Ошибка немецкого бытия» (1945), в которой анализируется послевоенная ситуация поражения и раскола Германии. В издании впервые публикуется девятая глава, запрещенная советской цензурой и содержащая развитие основной идеи Никиша — идеи о «большой Швейцарии», объединенном немецком государстве, предназначенном служить связующим мостом между Востоком и Западом.

Несомненный исторический и теоретический интерес представляет и работа «Основные направления европейской политики» (1935), в которой рассмотрена эволюция новоевропейской политической мысли от Макиавелли до Бисмарка и сделана попытка противопоставить национал-социалистическому пониманию истории иную, более связную и перспективную ее картину.

ПОЛІΣ

"Иностранец в России – тема отдельная, часто болезненная для национального сознания. На всякую критику родных устоев сердце ощетиливается и торопится сказать поперек. Между тем, иногда только чужими глазами можно увидеть себя в настоящем виде...

Укоризненная книга французского мыслителя, как это часто бывает с "русскими иностранцами", глядит в корень и не дает сослать себя в примечания".

В. Курбатов

Религия и нравы русских

9 785936 151033